

ВАСИЛИЙ *Grandmaster* ГОЛОВАЧЕВ

Палач времен

Смутное время

Василий Головачев

Палач времен

«ЭКСМО»

2000

Головачев В. В.

Палач времен / В. В. Головачев — «Эксмо», 2000 — (Смутное время)

ISBN 5-04-007104-3

Ивор Жданов еще не догадывается, что несет в себе родовую память и способности оперировать временем и пространством, а следовательно, является потенциальным активным участником Игры, на кону которой стоят судьбы Метавселенных и всего Древа Времен. Первая партия проиграна – отряд хронодесантников под командованием отца Ивора попадает в ловушку в одной из «засыхающих» Ветвей Древа. Собрать команду единомышленников, спасти людей, отыскать эмиссаров противника и обезвредить их – задача-минимум. Понять принципы Игры и заставить их работать на человечество – цель. Но достижима ли она?

ISBN 5-04-007104-3

© Головачев В. В., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	52
Часть II	60
Глава 1	60
Глава 2	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Головачев

Палач времен

*А между тем, как Богом речено,
Чей Промысел постичь нам не
дано,
Как будто без начала и конца,
Как свиток разворачивается
Пред нами Время – и не внять
в миру нам
Таинственным его и странным
рунам.*

Д.Р.Р.Толкиен. Мифопоэзия

Часть I

А МЕЖДУ ТЕМ

Глава 1

Холмистая равнина была покрыта чешуйчатой багровой травой и коричневым перистым кустарником от горизонта до горизонта и с высоты километра казалась алой. В середине ее располагалась круглая впадина, как бы огороженная двумя рядами оплывших багровых скал, вершины которых светились изнутри и все отклонялись от центра впадины, образуя своеобразный колючий воротник. Оттуда вырастала жемчужно-белая колонна высотой около двух километров, которая к вершине превращалась в светящийся дымный столб, постепенно тающий в сиреневом небе.

Изредка на фоне столба можно было увидеть кружившие вокруг него черные точки, пикирующие вниз и вновь возносящиеся в небо.

Завершенность этому необычному пейзажу придавали яркая звезда, низко висящая над горизонтом, и косо перечеркнувшая небосклон светящаяся нить, играющая роль центра системы. Нить представляла собой макроструну – «суперструну», пронизывающую местный космос, вокруг которой и вращалась планета с торчащей из равнины колонной. По сути, вся эта вселенная – Ветвь Древа Времен – представляла собой чуть ли не бесконечной длины «трубу» с центральной «струной» сверхплотной материи, очень массивной и светящейся, вокруг которой и кружились материальные объекты – планеты, звезды, облака пыли и струи астероидов, которые по мере замедления скорости вращения падали на «струну» и бесследно ею поглощались.

Там, где образовывались устойчивые конфигурации планет и звезд, на планетах возникала жизнь, однако разумная встречалась очень редко. Мир макрострунга был неустойчив и не позволял эволюционным процессам доводить жизненные циклы до совершенства. Тем не менее разум иногда возникал на планетах «струны», как, например, на планете с необычной колонной, – в виде колоний микроорганизмов.

Беда была в том, что этот мир умирал. Ветвь Времен «засыхала», отрубленная неизвестно кем из Игроков. Жизнь на планетах удивительного мира «струны» была обречена на исчезновение.

Послышался приближающийся тихий стеклянный треск.

Разглядывающее белую колонну существо, похожее на горбатого двуногого и двурукого варана с зеркально бликующей шкурой, оглянулось. К нему подходило еще одно такое же существо, с хрустом давящее ногами красные полупрозрачные перья травы и более темные наплывы мха и лишайника, напоминающие рыбью чешую. Стеклянная хрупкость мха и травы, а также коричневого кустарника, покрывающего равнину, только подтверждала вывод наблюдателей о судьбе здешней области Мироздания. Изменились физические константы мира, параметры его вакуума, а вместе с ними и свойства материальных объектов. Цепочка «холодных» ядерных преобразований сбрасывала химические элементы в «нижние» этажи таблицы элементов, углерод превращался в кремний, и растения становились «стеклянными», чтобы впоследствии рассыпаться в порошок сурьмы, затем в железную пыль и – в финале – заблестеть ртутными озерами с берегами, одетыми свинцовой коростой.

Существа, похожие на зеркально-металлических варанов, были людьми в защитных костюмах. Они уже наблюдали ржавые пустыни и серые свинцовые плещи вдали от белой колонны Ствола и понимали, что это означает. Планета, вращавшаяся вокруг «суперструны», быстро теряла энергию, сжималась и превращалась в полиметаллический шар. Лишь десятикилометровая зона вокруг Ствола еще держалась, сохраняя форму материальных объектов, в том числе – биологических, но и она неуклонно сокращалась. По подсчетам людей, ей осталось жить от силы десять дней – по внутреннему времени скафандров, а что такое время с точки зрения законов данной Ветви – не знал никто.

Вполне возможно, гипотеза одного из членов команды, попавшей в этот мир, – что время в нем подчиняется типологической концепции и представляет собой изменчивость индивидов и таксонов¹, регистрируемую только по положению объектов в пространствах их состояний, – была близка к истине. Во всяком случае, наблюдения показали, что таксоны разных масштабов – от бактериальных кластеров до биосистем типа травы или кустарника обладают разными «объемами времени» и умирают в зависимости от этих объемов – быстро или медленно.

Когда отряд только появился на планете, бактерии еще водились в изобилии в водоемах и в воздухе, теперь же воздух стал стерильно чистым, а на поверхности планеты сохранились лишь массивы лесов и кустарников, остатки «неразумной» природы.

Разум планеты исчез вместе с остальным миром микроорганизмов. О том, что здесь некогда роились разумные «капли» и «вихри» микробов, можно было судить лишь по их «городам» – удивительным сооружениям в виде скопищ бокалов разной формы. Один из таких «городов» располагался в двенадцати километрах от белой колонны Ствола, и любоваться им ходили все члены отряда.

– Его здесь нет, – проговорил второй «варан». – Мы напрасно теряем время. К тому же рискуем остаться здесь навсегда, этот мир вот-вот рассыплется.

Словно в подтверждение его слов холм, на котором они стояли, треснул, и несколько кустов по соседству осыпались, а куртины мха лопнули и расплылись желтым дымком.

Вздвогнувшие «вараны» посмотрели на трещину, пересекающую склон холма, на колонну Ствола, друг на друга.

– Вот тебе и подтверждение, – со смешком проворчал второй. – Зови остальных, пора возвращаться.

– Не паникуй, Гриша, – тихо сказал Жданов. – У нас еще есть время.

– Время, время... – в том же тоне продолжал Григорий Белый. – Я уже совсем запутался и перестал понимать, что это такое. В одной Ветви оно одно, в другой – другое, в третьей – третье... а какое время на самом деле, не знает никто. По-моему, и наш консультант.

¹ Таксон – группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков.

– Все времена относительны и реальны для своей Ветви, – рассеянно заметил Павел. – Только время Ствола, можно сказать, абсолютно, так как он соединяет все Ветви и не зависит от их условий.

– Хорошо, хорошо, пусть так, но все же нам пора уносить отсюда ноги, и побыстрей. Федора здесь нет, это ясно, и у меня есть подозрение, что он уже не появится.

Павел промолчал. У него складывалось такое же мнение.

Они появились здесь, в мире «засыхающей» Ветви, – пятеро «хронодесантников», команда подготовки будущего Игрока, – по вызову Федора Полуянова, пообещавшего сообщить нечто очень важное. Однако прошел час, другой, третий, мир вокруг стремительно умирал, рассыпался в прах, звезда, давшая жизнь планете, голубела и усиливала блеск, чтобы взорваться в скором времени, а Федор не выходил из Ствола, и ждать его становилось все трудней.

– Возвращаемся, – решил наконец Павел. – Пошлем сообщение через Стаса и подождем еще пару часов в Стволе. Потом решим, что делать.

Он дал в эфир сигнал внимания и вызвал остальных членов команды, которые разбрелись по равнине в поисках Полуянова.

Через некоторое время над мрачной кровавой равниной просияла серебристая точка, превратилась в летящего «варана».

– Я обнаружил еще один город, – раздался голос Кевина Купера, безопасника из подразделения Белого. – Там целая система пещер, одному мне не справиться.

– Федору там нечего делать, – буркнул Белый. – Он бы оставил какой-нибудь знак или маячок.

Над холмами в другой стороне от Ствола мелькнули зеркальные блики, и через минуту к трем «варанам» присоединились еще два – Атанас Златков и Луиджи Пирелли, приставленный к ученому для охраны.

– Ну, что у нас плохого? – хмыкнул Григорий. – Что тут у них происходит?

– Полным ходом идет вырождение континуума, – отозвался Златков, – упрощение связей и инфляция измерений. Система теряет модальную устойчивость и проходит через иерархию неустойчивых состояний. Здесь уже, к примеру, перестали выполняться транзитивные отношения типа «тяжелее, чем». Во всяком случае, приборы отмечают хаотические колебания гравитационных полей...

– Чем это все закончится? – перебил ученого Белый.

– «Скатывание» многомерности к сингулярной точке происходит достаточно быстро, причем количество измерений уменьшается по дробным модам с шагом «ноль тридцать три». Нас ждут очень интересные эффекты.

– Какие?

– При переходах от четырехмерия к трехмерию и ниже свертка измерений должна привести к появлению пространственно-временных петель и складок, пространство скоро начнет перекручиваться и рваться на «куски» – топологически не связанные области.

– Но ведь этот процесс опасен? Защита наших «кокосов» выдержит?

– Думаю, подобные преобразования физической базы не выдержит даже защита «големов».

– Тогда чего мы ждем? Пока и нас не разорвет на топологически не связанные области? Слишком хорошо началась наша экспедиция. А что хорошо начинается, всегда кончается плохо.

– Все, что начинается плохо, кончается еще хуже, – меланхолично добавил Златков. – Это известный закон Паддера. Я вообще не понимаю, почему мы вышли из Ствола в этой деградирующей Ветви.

– Нас должен был ждать Федор с отрядом конкистадоров и каким-то важным сообщением.

- Полуянов? Что он может знать об Игре, чего не знаем мы?
- Он наш экипировщик и инициатор похода, – нехотя сказал Жданов.
- А разве не вы руководитель экспедиции?
- Я, но...

– Тогда хорошо бы прояснить все детали похода, что мы должны делать и какая у кого роль.

- Встретимся с Федором и поговорим.

Холм под ногами одетых в защитные костюмы людей с грохотом пробороzdила еще одна трещина. Волна треска и гула прокатилась по равнине, порожденная появлением новых трещин. Насколько хватало глаз, кустарник на склонах холмов начал осыпаться, опадать оранжевыми струйками пыли. Сияние звезды над горизонтом скачком сдвинулось в сине-фиолетовую полосу спектра. Небо потемнело.

- Уходим, – прервал свои размышления Жданов, поднимаясь в воздух.

За ним стартовали остальные «хронодесантники», беря курс на мерцающую вдали колонну Ствола. Однако долететь до нее им не удалось.

Черные точки, кружащие над гигантским сооружением, – эсперы, защитники Ствола в местах его «вытаивания» в реальностях других Ветвей, вдруг перестали бесцельно кружить у стен башни и хищно кинулись к приближающемуся отряду. Если бы не реакция Жданова, почувствовавшего опасность, отряд мог понести потери.

Первый эспер, похожий на металлического ската с размахом крыльев около четырех метров, метнул в Жданова клинок изумрудного огня, но промахнулся. Зато не промахнулся Павел (точнее, инк скафандра), ответив выстрелом из аннигилятора. Эспер разделился на две части, одна из которых пошла вниз и врезалась в склон холма, а вторая превратилась в смерч огня и дыма.

Открыли огонь по отряду и три оставшихся «ската», выбирая каждый свою цель. Ослепительно зеленые молнии ударили по равнине, создавая цепочки кратеров с выплеснувшимися и застывшими в виде лепестков лотоса краями. Однако не сплеховали и спутники Павла, привыкшие к резкой смене обстановки. Гриша Белый сбил два эспера, а Пирелли и Купер справились с оставшимся защитником Ствола. Не стрелял только Златков, справедливо полагая, что война – не его прерогатива, хотя оружием его костюм располагал, как и все остальные.

Скоротечный воздушный бой закончился, дым рассеялся, лишь на склонах холмов продолжали догорать остатки аппаратов, но и они быстро погасли.

Конечно, оружием, встроенным в плечевые турели уников, управляли инки костюмов, люди лишь отдавали мысленные команды уничтожить объекты, поэтому не стоило удивляться их меткости и реакции. Эсперы потерпели поражение закономерно, так как их целевые установки не предусматривали боевые атаки на летательные аппараты за пределами охраняемой зоны. Летящие «скаты» призваны были не допускать внешнего повреждения Ствола-хронобура, ни случайного, ни преднамеренного. И тот факт, что их пришлось уничтожать, действовал на «хронодесантников» удручающе.

– Ни фига не понимаю! – бросил в сердцах Белый после боя и минуты настороженной тишины. – Что происходит, командир?! Почему они напали на нас?

– Не знаю, – хладнокровно ответил Жданов. – Или я упустил что-то из виду, или одно из двух...

– Скажите, пожалуйста, Павел, – вежливо проговорил Златков, – почему ваш сотрудник выбрал для встречи именно эту Ветвь и что он хотел сообщить?

- Мне известно, что ему предложили принять сторону одного из Игроков.

– Кого именно?

- Разве вы не в курсе? – хмыкнул Белый. – Вы же Судья!

– Во-первых, я Судья, вернее, один из Судей прошлой Игры, во-вторых, я ничего не знал о предложении, сделанном Федору.

– На что вы намекаете?

– Ни на что. Эсперов больше нет?

– Их было всего четыре экземпляра.

– Тогда давайте доберемся до Ствола и поговорим со Стасом, выясним обстоятельства нападения. Если только...

– Если только что?

– Пока ничего.

Жданов молча направился к башне хронобура, похожей издали на сигарету, поставленную на землю горящим концом к небу. Только размеры «сигареты» намного превышали размеры аналога: диаметр Ствола равнялся полутора километрам, а высота достигала трех, не считая «тлеющего» конца.

Башня хронобура, созданная на Земле начала двадцать четвертого века и во время запуска соединившая около миллиарда Ветвей Древа Времен, имела три тамбур-выхода во внешний мир: на первом, двенадцатом и тридцать шестом этажах. Когда отряд Жданова десантировался из Ствола, он воспользовался выходом с двенадцатого уровня, имеющим адаптирующий временной фильтр для согласования физических законов внутри и вне Ствола. Именно к этому поясу хронобура, отмеченному радиомаяком, и подлетел Жданов, вызывая Стаса – инка Ствола. Однако вопреки ожиданиям инк не откликнулся и входной узел не открыл.

«Попробуй другие диапазоны», – мысленно посоветовал Павел инку своего скафандра.

«Естественно, – ответил инк, – этим я и занимаюсь, хотя ответа не слышу».

Приблизились остальные члены отряда, повисли рядом.

– Что за проблема? – мрачно поинтересовался Белый.

Вместо ответа Жданов поднялся выше, нашел еще один радиоконтур, видимый как тонкое светящееся кольцо на фоне пористого белого материала стены Ствола, вызвал Стаса.

Глухое молчание.

Снова и снова инк уника пытался связаться с компьютером Ствола, меняя диапазоны радиации, но все было тщетно. Стас либо не слышал вызова, либо не хотел отвечать и впускать своих хозяев обратно. Оставалась еще одна зона входа – на первом горизонте башни, однако она находилась в этом мире под землей: при «вытаивании» основание Ствола оказалось погруженным в местную почву до пятого этажа.

– Может, пробьем в земле тоннель к первому уровню? – предложил молодой и азартный Пирелли, еще не сообразивший, что произошло.

Ответом ему было молчание. Более опытные десантники прекрасно поняли, чем им грозит обрыв связи со Стасом. До полного распада мира «сверхструны» оставались считанные часы.

– Что вы можете сказать по этому поводу? – обратился Жданов к Златкову. – Вы знали, что нас не впускают?

– Не знал, но предполагал, – ответил ученый меланхолически. – Думаю, нас просто заманили в элементарную ловушку.

– Этого не может быть! – взорвался Белый. – Я знаю Федора много лет, он не мог бросить нас здесь.

– Возможны два варианта. Либо он убит, либо...

– Продолжайте, – тихо сказал Павел.

– Либо он уже работает на другого Игрока.

В эфире установилась выразительная тишина. Потом Гриша Белый откашлялся и выругался, завершив тираду «станиславским»: «Не верю!»

– Я тоже не верю, – вздохнул Жданов. – И тем не менее мы отрезаны от своего мира. Предлагайте идеи.

– Надо еще раз попытаться вызвать Стаса. – Белый сорвался с места, вознесся на сто метров выше и принялся вызывать инка Ствола. Все молча смотрели вверх, ожидая результата. Через несколько минут Григорий вернулся.

– Если бы у нас были дриммеры, мы попытались бы пробиться в Ствол через мембрану входа.

– К сожалению, дриммеров у нас нет. Еще хорошо, что ты настоял стартовать в униках и с оружием. Если помнишь, Федор возражал, обещая снабдить нас всем необходимым после встречи.

– Ты думаешь, он... предатель?

– Я не думаю, я только вспоминаю детали разговора. Все в конце концов выяснится.

– Если только мы выберемся отсюда.

– Но у вас же есть «глюк», – с удивлением сказал Пирелли. – И аннигиляторы. Неужели они не пробьют стену Ствола?

– Пробьют, конечно, – мрачно буркнул Григорий. – И мы получим наглядную картину свертки Ствола в «струну».

– Почему?!

– Потому что Ствол – это надвременный топологический тоннель с квантованным выходом, – сказал Златков. – При инструктаже вам должны были дать эту информацию, молодой человек. Выход же Ствола в реальности данной Ветви наполовину виртуален, и, если мы повредим его энергооболочку, законы местной физики просто вытолкнут его из Ветви.

– Извините, – ступешался ошеломленный безопасник, – я не знал...

– Черт! – хлопнул себя ладонью по бедру Белый. – Должен же быть какой-нибудь выход! Атанас, вы же были Судьей, почему бы вам не попробовать вызвать трансгресс?

– Я уже пытался, – спокойно сказал Златков. – Либо меня выключили из контура контроля, либо трансгресс не имеет здесь точки выхода. Возможен и совсем грустный вариант: сразу после окончания прошлой Игры трансгресс перестал существовать как судейская система контроля, а значит, и как система хронопространственных перемещений.

– Вряд ли, – покачал головой Жданов. – Трансгресс, по сути, сам является Ветвью дендроконтинуума, а то и его Корнем. Он должен был уцелеть, иначе исчезло бы все Древо.

– Возможно, вы правы, – не стал возражать Златков. – Хотя никто не знает базовых законов, встроенных в Игру Садовником, и как они реализуются в Древе.

– Кем-кем? – заинтересовался Павел.

– Так я называю того, кто «посадил» Древо Времен. Изначально Первый. Возможно, он реализовал в Древе самого себя. А возможно, и нет. С недавних пор я начинаю подозревать, что Древо не есть синоним Большой Вселенной, а всего лишь локальный вид пространства Игр. Пусть это покажется вам тавтологией, но возможны еще более сложные системы, учитывающие законы физики невозможных состояний.

В наушнике рации Павла тихо свистнул модем личного канала, послышался голос Белого, слышимый только Жданову:

– Атанас сел на любимого конька, останови его, пусть лучше подумает, как нам смыться отсюда.

С равнины к стенам Ствола докатился скрежещущий гул. Холмы на ней начали оседать, проваливаться сами в себя, в буро-красной поверхности равнины образовались глубокие рвы, воронки и ямы, увеличивающиеся в размерах. Пелена пыли размыла ландшафт, превратила его в зыбкий полупрозрачный акварельный рисунок. Нить макростринга, пересекающая небосвод, перестала светиться, исчезла, затем вспыхнула сильнее. Светило планеты еще продолжало бросать лучи на ее поверхность, но все более и более слабые – почти фиолетовые.

– Погода ухудшается на глазах, – пробормотал Григорий. – Пора явиться чуду.

– Плохая погода лучше, чем никакая, – заметил Златков. – Думаю, какое-то время у нас еще есть.

– Какое?

– Полчаса, может быть, час.

– Смотрите! – воскликнул вдруг молчавший до сих пор Кевин Купер.

Молния перечеркнула темнеющее небо, и на равнину выпала сияющая золотом конструкция, напоминающая огромную шипастую дубину. Приблизилась к Стволу, и стало понятно, что она вдвое длиннее и толще здания хронобура. Свечение, вуалью окутывающее конструкцию, пошло на убыль, втянулось в корпус, превратилось внутри стометровых шипов в рои искр, создающих впечатление живого организма.

– Что это? – сдавленным голосом проговорил Пирелли.

– Помощь, надо полагать, – пожал плечами Белый. – Атанас, это случайно не ваши коллеги пожаловали? Или нам на всякий случай подготовиться к атаке?

Златков не ответил, разглядывая диковинный летательный аппарат.

Один из шипов «дубины» внезапно оторвался от ее выпуклого лба и устремился к людям, висящим у стены Ствола. Те невольно заняли позиции для отражения атаки, приготовив оружие к бою. Но шип не имел агрессивных намерений. Подлетев к десантникам на расстояние в двести метров, он стал мутно-прозрачным, в его глубине отчетливей засверкали тысячи зеленых звездочек, сложились в символическую фигуру человека, которая вдруг плавно помахала рукой. Шип приветствовал землян! Затем голова фигуры расплылась струйками искр, и Павел почувствовал покалывание кожи на затылке, давление на глазные яблоки, просачивание под череп тоненьких воздушных струек. Впрочем, неприятными эти ощущения не были. Тот, кто сидел внутри шипа, просто хотел поговорить с землянами на пси-языке.

– Он нас гипнотизирует! – сквозь зубы проговорил Белый.

– Спокойно, гриф, – отозвался Златков. – Очевидно, это одна из местных форм разумной жизни. Каждый шип – колония микроорганизмов, обладающая собственным объемом времени.

– Откуда вы знаете?

– Когда я был Судьей, мне была дана информация о многих расах Древа, в том числе и об этих кристалломикробах. Я с ними общаюсь. Они встречались с людьми и знают, кто мы такие.

– Это славно. Значит, наши соотечественники уже побывали здесь до нас. Эти парни могут нам помочь? Кстати, они понимают, что происходит в их вселенной?

– Понимают, но помочь нам вряд ли сумеют. Их космоход по местным пространствам не приспособлен для транспортировки людей.

– Тогда пусть убираются!

– Не психуй, Гриша, – проговорил Жданов недовольно. – Они ни в чем не виноваты. Как они вышли на нас? Вы их действительно позвали, Атанас?

– Я просто звал кого-нибудь, кто меня слышит. Услышали эти... гм, гм, парни. Они пытаются пробить стенку потенциального барьера, отделяющего их домен-Ветвь от соседней.

– Это им удастся?

– Не знаю, сомневаюсь. Хотя утверждать не берусь. Можно послать с ними сообщение о нашем бедственном положении. Если они пробьются в живую Ветвь, есть шанс, что сообщение дойдет до наших пограничников.

– Почему их слышите и понимаете только вы?

– Я паранорм, знаете ли, а эти... э-э... парни играли в данной Ветви роль судебных исполнителей и знали Судью. То есть кого-то из моих кванков², не меня лично. Однако я не слишком отличаюсь от Златковых всей реализованной мировой хронолинии.

² Кванк – хроноквантовая копия, дубль живого существа, реализующийся Ветвями Древа Времен при разделении каждой

– Понятно. Что ж, попросите их передать сигнал SOS в Солнечную систему. Только пусть не промахнутся. Ветвей, где имеются Солнечные системы с планетами под названием Земля, Древо имеет предостаточно.

– Я дам им всю информацию для идентификации.

– Пусть найдут на Земле Жданова, – угрюмо посоветовал Белый. – Или его родственников. Больше я никому не верю.

– Тогда Павлу придется на какое-то время выключить пси-защиту уника, чтобы они сняли скан-портрет его личности.

– Это обязательно?

– Иначе им трудно будет отличить кванков Жданова.

– Рискнешь, Паша? – по личному каналу спросил Белый. – Или ну их к бесу? Кто знает, что у них на уме, у этих кристалломикробов.

– Хорошо, пусть сканируют, – ровным голосом сказал Павел, не отвечая Григорию.

Давление на мозг усилилось, под череп забрались прохладные «усики и ножки насекомых», забегали по всему объему головы, вызывая ощущение щекотки. Затем Павлу показалось, что в нервные узлы впились крохотные иглы, он невольно вскрикнул от неожиданной боли, и тут же все неприятные ощущения исчезли. «Насекомые» выбежали из головы, оставив странное чувство приятного пузырчатого кипения.

– Что там у тебя?! – пробился в уши напряженный голос Белого.

– Нормально, гриф, жить буду. Что дальше, Атанас?

– Теперь остается только ждать, – отозвался по-философски спокойно Златков.

Шип с разумной колонией микроорганизмов обрел плотность металла, дал задний ход, отодвинулся от Ствола и присоединился к собратьям, усеявшим корпус их транспортника. Вся «дубина» покрылась тусклым золотым сиянием, пошла косо вверх, с хлопком превратилась в длинную яркую искру и исчезла.

Люди долго смотрели в небо, словно ожидая чего-то, прислушивались к грохоту умиравшей планеты и молчали. Потом послышался мрачный голос Белого:

– Черт меня дернул согласиться на эту авантюру! Сидел бы сейчас где-нибудь в кафе с приятной девушкой и горя не знал! Лучше бы вы, Атанас, вызвали судебного исполнителя. Он единственный, кто помог бы нам укротить Игрока.

Ответом ему была тишина.

– Чего молчишь, Жданов?

– Думаю, – отозвался Павел.

– О чем?

– Пытаюсь представить, сколько еще таких команд, как наша, сейчас заперто в ловушках других «засыхающих» Ветвей.

– Много, – рассеянно сказал Златков. – Один человек не может стать Игроком на уровне всего Древа Времен в силу принципиальной темпорально-детерминистской ограниченности. Игроком становится только большая разумная система, стая или рой. Спектр существ. Посредник, предложив вам стать Игроком, имел в виду не вас лично, а *стаю* Ждановых, образованную всеми вашими кванками. Не так ли? Именно поэтому Игрок, против которого мы должны были играть, и предпринял меры по защите своих интересов. Ударил сразу по многим кандидатам.

– Вы считаете, надежды... нет?

– Вот как раз так я и не считаю. Раз Игрок предпринял попытку ограничения размеров вашей стаи, значит, он вас боится. А это, в свою очередь, означает, что существует свободный

от влияния Игрока мир, где либо Федор Полуянов не играет на его стороне, либо вообще не существует, либо ваш кванк еще не получил предложение стать Игроком.

– Не вижу логики... – начал Белый.

– Подожди, – перебил его Павел. – Вы хотите сказать, что Игрок выключает только тех, кто уже согласился стать его соперником? Разве этого не достаточно?

– Конечно, нет. Игрок не всемогущ, ему тоже доступны не все уровни Игры и не все Ветви. Подождем.

– Что нам остается? – проворчал Белый.

С приглушенным всхлипом равнина вокруг Ствола начала оседать, превращаться в пыль. Звезда над горизонтом вспыхнула ярче, за несколько мгновений расплылась в быстро тускнеющее облачко, погасла. Наступила почти полная темнота. Светящаяся в небе нить не могла рассеять тьму и походила на щель в небесном куполе, из которой сочилось призрачное сияние...

Глава 2

Имя этого существа невозможно было произнести человеческим языком, но его смысл сводился к словам «идуший вопреки».

В прошлой Игре, охватившей весь многомерный континуум Древа Времен, он играл на стороне так называемых Сторожей Будущего, или Тех, Кто Следит, как их называли люди Земли. Они же называли его соотечественников «хронорыцарями» – за облик, схожий с обликом некогда существовавших на планетах мировой линии Земли всадников-рыцарей, закованных в латы. Правда, размеры «хронорыцарей» впятеро превышали размеры земных прототипов, а «лошадьми» им служили мощные энергоносители, напоминаящие кентавров, способные противостоять космическим катаклизмам.

В этой недавно начавшейся Игре Идуший Вопреки стал помощником Судьи, то есть судебным исполнителем, получив карт-бланш особых полномочий и возможность влиять на Игроков в пределах универсальных Законов Древа Времен. И хотя он походил на людей, имея две руки, две ноги, торс и голову, «хронорыцарь» гуманоидом не был, родившись в мире, который представлял собой четырехмерную гиперплоскость одномоментных событий, движущуюся сквозь пространственно-временную субстанцию вдоль оси времени.

Планетой этот мир назвать было трудно, так как вещество и поля, его образующие, являлись не самостоятельными физическими реальностями, а специфическими структурами самой пространственно-временной субстанции типа сгущений и вихрей. Мир Идущего Вопреки был компактным, но очень сложным объектом и представлял собой как бы одиночную волну наподобие солитона, распространяющуюся в направлении от прошлого к будущему.

Однако, играя на стороне Тех, Кто Следит, Идуший Вопреки побывал в сотнях Ветвей Времен, законы которых в корне отличались от законов его мира, и научился воспринимать их реальность как данность пространства Игры. Научился он и ценить жизнь во всех ее проявлениях, за что и получил приглашение Судьи войти в состав корпуса исполняющих судебские решения.

Игра началась, как и все предыдущие, между двумя основными Игроками, овладевшими всеми энергоинформационными ресурсами своих Ветвей-Метавселенных – за *контроль* над всем Фракталом Времен – с использованием всех средств, доступных Игрокам, но лишь тех, которые разрешали Законы Игры. Затем характер контактов Игроков резко изменился. Один из Игроков начал игнорировать Законы, заменяя их своими волевыми установками, подкапываясь под базисные принципы, запрещавшие сужать пространство Игры за счет ликвидации *корневых* пространств или Корней Древа. Тогда в процесс Игры вмешался Судья и восстановил дух и букву Закона, сделав Игроку предупреждение.

Некоторое время, отражаемое в разных Ветвях Времен по-разному, имеющее разное физическое обоснование (на Земле, к примеру, двадцать четвертого века прошло около двадцати пяти лет), Игра шла на равных, порождая причудливые сочетания «проросших» одна в другую Ветвей, хотя многие Ветви-Метавселенные, поврежденные волей Игроков, «засохли», а некоторые «загорелись», угрожая стабильности соседних Ветвей.

Однако Игрок, уже проявивший склонность к изменению принципов Игры, снова начал свою деятельность в обход Законов Древа, и ситуация заметно ухудшилась. Над Древом Времен нависла угроза многофазового перехода и коллапса. За эту деятельность Игрок получил имя, переводимое на земные языки как Палач. Его соперник – разумная сверхсистема растений, которой можно было бы дать имя Медленный Разум, – явно проигрывал в быстроте принятия решений, несмотря на привлечение на свою сторону сотен цивилизаций биологического цикла.

Идуший Вопреки хорошо зарекомендовал себя во время операций по наказанию разного уровня помощников Палача, действовал строго в рамках законов и заставил Игроков отно-

ситься к себе с уважением. Вместе с тем он весьма серьезно мешал Палачу, срывая его планы, и к нему начали присматриваться с двух сторон на предмет вербовки. Однако попытки подкупить Идущего Вопреки ничего не дали, и тогда Палач решил устранить строптивного судебного исполнителя физически. А для начала пообщался с Судьей, который тоже стал опасаться активности своего помощника, способного занять его место.

В один из редких моментов отдыха Идущий Вопреки получил задание восстановить Законы Бытия в одной из «заболевших» Ветвей, где сработал «вирус» Палача в форме энергоинформационного потока, изменившего некоторые физические константы. Судебному исполнителю следовало изгнать из Ветви эмиссаров Палача, контролирующих процесс распада местной вселенной, нейтрализовать «вирус» и заблокировать границы Ветви особой «печатью» – Принципом Судьи, усиливающим потенциальный барьер, который препятствовал бы проникновению в домен чужеродных носителей информации.

Идущий Вопреки не имел в своем лексиконе словосочетаний «не могу» и «не хочу», поэтому без возражений вышел из своего «состояния безвременья» и отправился по указанному адресу.

«Большая» Ветвь, которую предстояло «лечить», принадлежала к кусту так называемых «твердых» Ветвей. Каждая из них была целиком заполнена твердой субстанцией, которую для наглядности можно было сравнить с толщиной камня в глубинах планет земного типа. Естественно, никаких планет такие Мета вселенные не имели, их роль исполняли шарообразные полости с медленно пульсирующими «звездами» – центральными «узлами напряжений», в которых «горело» время, превращаясь в энергию, свет и тепло.

Такие воздушные пузыри распределялись по массе «твердых миров» неравномерно, складываясь в своеобразные скопления наподобие галактик и звездных образований в Мета вселенной, где существовали звезды, Солнце и Земля. Разумные существа, живущие на внутренних поверхностях «планетопузырей», не могли, конечно, видеть другие «пузыри», так как «твердый вакуум» их мира не пропускал электромагнитные волны зримой части спектра, зато они научились пользоваться звуковыми локаторами и звукоскопами, постепенно расширяя границы своего знания о вселенной.

Скорость звука в «твердом вакууме» составляла половину скорости света в человеческом понимании процесса передачи информации, так что постижение «твердых» Ветвей их обитателями шло медленнее, чем людьми – их мира, но все же не останавливалось.

В конце концов цивилизации, достигшие определенного уровня, начали посылать экспедиции к соседним «планетопузырям» на очень своеобразных аппаратах, которые можно сравнить разве что с земными подземоходами. Эти аппараты не летали, а буквально бурили «твердый вакуум», проделывали в нем «кротовые норы», шахты от «пузыря» к «пузырю». Сначала они были громоздкими и медлительными, затем, по мере совершенствования техники, становились все более изящными и быстрыми, пока их скорость не подошла к информационному пределу. На очереди было овладение «струнной» технологией, позволявшей преодолевать любые пространственные объемы практически мгновенно. Однако именно в этот период развития разума в одной из «твердых» Ветвей Времен и произошло нарушение законов по воле Игрока, бросившее разум в волну регресса.

Идущий Вопреки получил эту информацию вместе с заданием и полагал, что знает все. Но он ошибался. Судья по какой-то причине «забыл» ему сообщить об одной элементарной вещи: система судейского контроля, она же – транспортная система, имеющая на языке землян название трансгресс, в «засыхающих» мирах становилась однонаправленным процессом, своеобразной мембраной, пропускающей в мир «засыхающей» Ветви все и всех, но не выпускающей обратно *ничего и никого!* Во избежание заражения соседних Ветвей «вирусами» чужих дестабилизирующих законов. Таким образом, судебный исполнитель не мог воспользоваться трансгрессом в случае угрозы жизни, а в случае неудачи оказывался в ловушке. Мало

того, поручая Идущему Вопреки устранить последствия нарушения Игроком принципов Игры, Судья «забыл» также и передать ему «жезл силы» и он же – сертификат особых полномочий, называемый землянами дриммером. А так как Идущий Вопреки привык доверять тем, с кем он имел дело, то и не вспомнил о дриммере, полагая, что, раз ему больше ничего не сообщили и не вручили, он способен справиться с трудностями теми средствами, которыми владел.

Трансгресс высадил его на поверхности одного из «планетопузырей» «твердой» Ветви, освоенного разумными существами данного мира, похожими на земных бабочек, только гигантских размеров. Силу тяжести здесь заменяла сила давления, прижимающая предметы к поверхности «пузыря», а сила пленочного натяжения помогала удерживать равновесие, поэтому местная флора и фауна селилась в основном на стенках «планеты». Размеры «планетопузыря» намного превышали диаметр Земли и даже Солнца, достигая диаметра орбиты Марса в мире людей. Но за время существования цивилизации «бабочки» застроили почти весь объем «пузыря» своими сложными, многокрасочными, красивыми замками, подобравшись чуть ли не вплотную к центральному «светилу» – зоне, в которой время превращалось в энергию. Они уже готовы были напрямую выкачивать эту энергию из своего «солнца» для нужд растущей цивилизации, если бы их не опередили эмиссары Палача. Идущий Вопреки сразу после выхода из трансгресса заметил торчащий из «светила» черный хобот энергоотсоса, направляющего энергию за пределы «планетопузыря» и вообще за пределы Ветви.

Последствия вмешательства Игрока в жизнь «твердой» Метавселенной были видны, что называется, невооруженным глазом.

Жизнь в «пузыре» замерла, парализованная надвигающейся «темнотой». Энергии хозяевам мира катастрофически не хватало, и они резко снизили активность, не понимая причин явления, сосредоточив деятельность на спешной отправке экспедиций к соседним «планетам» в надежде найти приемлемые условия для обитания. Но там их ждало то же самое. А экспедиции гибли одна за другой, застревая в толще «твердого вакуума», который из-за просачивания чужих физических законов становился «желеобразным» и «жидким». По сути, этот мир был обречен и скоро должен был «распухнуть», а затем сжаться в черную дыру.

Идущий Вопреки, оценив состояние местного космоса, принялся за работу, в общем-то не свойственную судебным исполнителям; они редко устраняли последствия несанкционированного вмешательства Игрока в жизнь той или иной Ветви Древа Времен. Хотя, с другой стороны, изгнание из Ветви просочившегося «вируса» – эмиссара Игрока – и означало «свисток Судьи», за которым следовало предупреждение – ликвидация эмиссара.

Первым делом Идущий Вопреки уничтожил хобот энергоотсоса, чтобы восстановить энергобаланс «планетопузыря». Затем принялся искать «струну» просачивания в Ветвь «вируса» Игрока; «твердый вакуум» был для его аналитических систем совершенно прозрачным, и он хорошо видел скопления «планетопузырей» и «кротовые норы», проделанные в толще «твердого вакуума» кораблями разумных существ.

«Струн» просачивания «вируса», изменившего состояние Ветви, он обнаружил множество, целую систему, пронизывающую «твердый космос», однако вопреки уверенности в своем праве влиять на события не смог нейтрализовать ни одной.

Во-первых, ему не хватало полномочий, то есть дриммера, во-вторых, трансгресс в этом мире не работал. Судебный исполнитель буквально застрял в «пузыре» с цивилизацией бабочек, не имея возможности свободно путешествовать в пределах Ветви.

Тогда он определил координаты эмиссара Игрока, контролирующего процесс сворачивания Ветви в данном районе, и предстал перед ним во всем великолепии судебного исполнителя, сурового и неподкупного.

Резиденция эмиссара представляла собой энергетически независимый кокон, похожий на шипастую раковину моллюска, и располагалась на вершине толстой серой башни, в которую превратился в здешних условиях оставшийся со времени прошлой Игры «стержень поддержки

Игрока». Люди Земли называли эту башню хронобуром или Стволом. В результате решения Судейской коллегии прошлой Игры обоим Игрокам – «хронохирургам» и Тем, Кто Следит – было засчитано поражение, и они были отстранены от участия в дальнейших Играх, а Ствол, ставший к тому времени своеобразной Ветвью Времен, был заблокирован местными судебными исполнителями в каждом узле выхода. В данной Ветви он тоже не работал как «шахта времен», соединявшая множество Ветвей, хотя был видим и материально ощутим, поэтому судебный исполнитель воспользоваться им не мог. Точнее, *мог бы*, если бы имел «жезл силы» – дриммер.

Ажурные эстетически выверенные творения разумных бабочек уже покосились, оплыли, потеряли цвет, но Ствол и «раковину» эмиссара процесс распада материи не затронул. Ствол казался непобедимо плотным и массивным, как скала, а резиденция светилась изнутри угрюмым вишневым накалом.

Идущий Вопреки «постучал в ворота» – посигналил особым образом в пси-диапазоне. «Раковина» эмиссара медленно вывернулась наизнанку, открывая фигуру пандава, давнего соперника «хронорыцарей» во времена прошлой Игры. Судьба снова свела их вместе, а точнее – развела по разные стороны баррикад.

Шестилапый урод, похожий на помесь земного динозавра и змеи, выпрямился во весь рост, растопыривая верхнюю пару лап, с надменной холодностью глянул на гостя. Так они стояли некоторое время друг против друга – чешуйчатый, бликующий зеленым металлом обезьянозмей и черно-фиолетовый «рыцарь» на алом «кентавре», торс-рог которого светился сине-фиолетовым накалом. Потом эмиссар Палача проговорил:

«Чего тебе надобно, судейская крыса?»

Естественно, разговор двух негуманоидов шел в мысленном диапазоне, едва ли доступном кому-либо еще, но смысл его сводился к приводимому ниже тексту.

«Я пришел объявить волю Судьи», – ответил Идущий Вопреки.

«Плевал я на твоего Судью!»

«Он не мой, и тебе придется подчиниться. Если не выполнишь требований, я уничтожу остальные энергоотводы и заблокирую домен».

Обезьянозмей ухмыльнулся:

«Прежде тебе придется предьявить свои полномочия исполнителя. Где твой властный сертификат, судейская крыса?»

«Тебе достаточно знать, что я – исполнитель воли Судьи. Или ты подчинишься, или...»

«Или что? Что ты можешь сделать, кретин? Отнять у меня мое право делать то, что я хочу? Ограничить свободу? Уничтожить?»

«Мои полномочия неограниченны».

«Ошибаешься! Это м о и полномочия неограниченны!» – В лапе обезьянозмея внезапно появился длинный предмет, напоминающий меч с туманно-льдыстым текучим лезвием. Это был дриммер, «жезл силы», атрибут власти судебных исполнителей, почему-то оказавшийся у эмиссара Игрока.

«Ну, что ты скажешь теперь?!»

Идущий Вопреки метнул черный луч свертки пространства, намереваясь выбить «жезл силы» из лапы обезьянозмея. В следующее мгновение лезвие дриммера удлинилось, пронзило рог «кентавра» и туловище судебного исполнителя, превратилось в огненный ручей, ударивший в центр «планетопузыря», где пульсировал тускнеющий клубок оранжевого пламени – «светило» этого мира. Идущий Вопреки посмотрел единственным узким и длинным глазом на свою грудь, в которой образовалось дымящееся отверстие, хотел было увеличить потенциал защиты и отступить, уйти в «струну», но не успел.

Его тело заколебалось, как пелена дыма, начало рваться на клочья и струи, втягивающиеся в яростный ручей огня, и в течение короткого времени распалось, влилось в общий поток энергии дриммера.

Последнее, что смог сделать умирающий судебный исполнитель, – это послать компакт-депешу Судье о своей гибели. Он не знал, что в тысячах других миров «засыхающих» Ветвей точно так же погибли тысячи других судебных исполнителей, попавших в ловушку.

Первый «отборочный» этап Игры Палач выиграл вчистую, хотя при этом преступил базовые Законы Древа Времен, запрещавшие ограничивать его рост и упрощать мерность дендро-континуума.

Глава 3

Ивору Жданову исполнилось двадцать четыре года.

Это был невысокий по меркам века, хрупкий на вид молодой человек с гривой каштановых волос и синими глазами, в которых светились ум и воля. Лицо у него было овальное, с твердым подбородком. Губы, чуть полнее, чем требовали каноны мужской красоты, всегда были готовы сложиться в улыбку, хотя могли и твердеть до упрямой жесткой линии, а нос, хоть и напоминал о сотнях поколений славянского рода, не портил лица.

В мае две тысячи триста двадцать пятого года Ивор закончил факультет Квистории³ Среднеевропейского гуманитарного университета и теперь раздумывал над своей дальнейшей судьбой. Он получил целых три предложения от разных организаций, но пока не пришел к консенсусу с самим собой, так как предложения казались равноценными.

Одно из них исходило от профессора Кострова, преподающего в университете динамику квистории и одновременно работающего в ИВКе – Институте внеземных культур. Костров предложил молодому квистору не тратить время на аспирантуру, а сразу войти в группу ИВКа, занимающуюся палеоконтактами на основе хронотеории всемирно известного ученого Атанаса Златкова.

Второе предложение сделал декан факультета Трофим Ивашура – стать аспирантом и заняться углублением и расширением теории квантовых состояний Древа Времен.

Третье неожиданно выдал комиссар-два службы безопасности Евразийского нойона Федор Полуянов. Он заявился к Ивору лично – молодой человек жил в отдельной квартире-виноградине Тверской жилой грозди, – долго расспрашивал его о жизни, о контактах с отцом Павлом и матерью Ясеной, интересовался, не рассказывал ли отец о встречах с необычными гостями, а затем предложил войти в группу «Роуд-аскер» наземной службы безопасности в качестве оперработника. В крайнем случае – в качестве консультанта по квистории.

Последнее предложение было уж и вовсе неожиданным, хотя и лестным, но Ивор не дал Полуянову ответа сразу. И не потому, что не хватило решительности – он как раз отличался быстрой реакцией и дерзостью, свойственной поэтам во все века (молодой ученый писал стихи), – а потому, что хотелось попробовать себя сразу во всех трех областях деятельности, которые открылись перед ним. Посоветоваться он мог только с мамой, работающей в ИВКе под началом Кострова и желавшей видеть сына рядом. Отец еще ранней весной вместе с Атанасом Златковым и своим другом Григорием Белым, советником СЭКОНа, отправился в какую-то секретную экспедицию и до сих пор не вернулся.

Поломав голову и не найдя оптимального решения, Ивор отложил его до лучших времен и согласился провести несколько дней в компании сверстников, таких же выпускников университета, как и он, среди которых была и девушка, которая ему нравилась, – Альбина Яворская, первая красавица факультета и мисс Тверь прошлого года. Заводилой и душой компании был Костя Ламберт, спортсмен и шутник, в которого были влюблены многие девушки факультета, хотя он вел себя со всеми одинаково, в том числе и с Альбиной, что задевало красавицу и заставляло держаться подчеркнуто независимо. Именно Косте принадлежала идея провести уикенд в одной из экзон Венеры, и именно Альбина раскритиковала идею и предложила свой вариант: Центральную Мексику, где недавно раскопали и воссоздали древний город аптеков – Пинкучиали.

Вероятно, у нее были высокие покровители из числа чиновников Центральноамериканского нойона, которые дали разрешение группе молодых людей в количестве девяти человек

³ *Квистория* (квантовая история) – наука, изучающая вероятностные модели исторического развития социальных систем Земли в условиях многовариантного копирования. Квистор – специалист по квистории.

провести какое-то время на территории заповедника с обновленным городом. Хотя об этом никто из них не подумал. Главное – их допустили туда, куда другим вход был заказан.

Отряд высадился на плато Дель Парраль с туристического дирижабля, развернул походные модули «Пикник» и принялся заниматься культурным отдыхом, как его понимали члены отряда.

Сначала они посетили город, сняв на видео себя на фоне живописных террасовидных пирамид и ритуальных храмов, поглазели на работу терраформистов, строителей и художников, кропотливо восстанавливающих акведуки, пирамиды, здания, фрески, стелы, орнамент и скульптурный парк древних ацтекских сооружений, искупались в реке Кончос. Затем погуляли по сельве – в защитных униках, естественно, спасающих от москитов и прочих жужжащих и кровососущих тварей, и принялись наслаждаться яствами, которые приготовил им кухонный комбайн «Скатерть-самобранка». После чего начался концерт исполнителей песен под старинные гитару и синтезатор, танцы, философские беседы и раскованный треп. Мужчины изощрялись в остроумии, женщины оценивали их юмор и с удовольствием разрушали воздушные замки надежд сильной половины на завоевание сердец слабой половины человечества.

В этих упражнениях ума и изящного слога нашлось место и стихам Ивора, который прочитал свои последние творения. Мужчинам особенно понравилось:

Я помню – в мощи этих крыл
Слились огонь и мрак, –
В самом уж взлете этом был
Паденья вещей знак.

А женщинам:

Сумрак неизмеримый гордости неукротимой,
Тайна, да сон, да бред:
Это – жизнь моих ранних лет...⁴

Однако на Альбину стихи Жданова не произвели особого впечатления, она была занята собой и попытками завладеть вниманием Кости, который в свою очередь умело дирижировал компанией и держал процесс под контролем. Поэтому никто не удивился, когда эта пара вдруг исчезла в неизвестном направлении. Вечер середины мая продолжался, теплый, напоенный ароматами сельвы, но у костра вскоре остался только один Ивор, расстроенный поведением примадонны и замороженный пляской язычков огня. Остальные разбились по парам и разбрелись кто куда, наслаждаясь предельно романтичным по нынешним условиям века живой и умной техники вечером.

Посидев у затухающего костра в позе мыслителя, Ивор заскучал, хотел было пойти спать в одну из кают модуля, но вдруг почувствовал неизъяснимую тягу к приключениям, нацепил на пояс ремень антиграва и взлетел над лагерем в фиолетовое небо, полное искусственно созданных видеокартин – рекламных, информационных и развлекательных, создающих ансамбль световой архитектуры, из-за которой Земля была видна из любой точки Солнечной системы. Поэтому вечер и ночь таковыми назвать было трудно, так как поверхность Земли, не освещенная Солнцем, была всегда освещена почти как днем. Но ухищрениями светотехников ночное небо при этом оставалось темным и звездным, лишь изредка закрываясь пеленой туч для плановых дождей и гроз.

⁴ В романе использованы стихи Э. По, К. Бальмонта, В. Высоцкого, Н. Игнатенко, С. Андреева, В. Гафта, Е. Лукина.

Покружив над лагерем на стометровой высоте, Ивор направил полет к ацтекскому городу, строения которого были освещены еще не все, и опустился на вершину самой высокой пятиступенчатой пирамиды со срезанной вершиной, которая была сложена из пористых каменных плит и пока не восстановлена полностью. Привлекло молодого поэта и будущего квистора то, что пирамида была не освещена и вокруг нее не возились строители и архитекторы. Обойдя верхнюю площадку пирамиды, Ивор запрокинул голову и долго смотрел в небо, на звезды, проглядывающие сквозь эфемерную световую вуаль реклам, хотел было спуститься на нижнюю ступень пирамиды, и в этот момент зенит проколол пронзительно-голубой луч света, вырос в поток смарагдового пламени, и в центр площади напротив пирамиды, на которой стоял Ивор, вонзился сияющий огненный кулак. Раздался чудовищный грохот, взрыв, во все стороны полетели ручьи огня, осколки каменных плит и черные рваные хлопья, насквозь пробивающие стены зданий. Один из таких рваных иззубренных обломков упавшего с неба объекта пронзил пирамиду Ивора, второй пролетел мимо буквально в метре, и лишь тогда молодой человек наконец вспомнил об антиграве и прыгнул с покосившейся плиты верхушки пирамиды в небо.

Грохот стих. Огонь втянулся в корпус необычного летающего аппарата, косо воткнувшегося в поверхность площади, окруженного торчком вставшими плитами. Дым и пыль осели, и взору ошеломленного происшествием Ивора предстала утыканная черными колючками деревянная дубина километровой длины.

Именно это сравнение первым пришло в голову. Затем стометровые колючки-шипы начали отваливаться от бугристого, пористого, обуглившегося корпуса «дубины» и распадаться в черную пыль. На глазах пораженного свидетеля катастрофы с поверхности удивительного сооружения за несколько секунд опали все шипы, кроме одного, светящегося изнутри, мутно-прозрачного, как старинное бутылочное стекло. Ивор невольно приблизился к нему, замороженный игрой кружащихся внутри пятигранного шипа зеленых звездочек, и почувствовал при-стальный, оценивающий, печальный, *слепой* взгляд. Вздогнул, отшатываясь.

«Человек, не уходи! – раздался в голове тихий шуршащий голос, похожий на шелест ветра в ветвях дерева. – Мы тебя не обидим. И у нас кончается запас индивидуальности».

«Кто... вы?» – мысленно спросил Ивор в ответ.

«Мы из тех, кого больше не будет. Мы последние из уходящих. Мы посланы с известием».

С каждой фразой пульсация звезд внутри гигантского остроконечного нароста замедлялась, свечение угасало, звезды тускнели, а «стекло» темнело.

– С каким известием? – спросил Ивор вслух. – Кому?

«Мы прошли семьсот семьдесят шесть Ветвей... – Мысленный шепот существа или существ, живших внутри шипа, стал почти неслышен. – Ваша... Ветвь... последняя... мы ищем... носителей родовой линии человека... по имени Павел Жданов...»

«Это мой отец!»

«Мы его... посланцы...»

«Но он ушел в экспедицию, и на Земле его нет. Где он?!»

«В одной из отмирающих Ветвей... очень глубоко... на пределе... Ты тоже носитель отпечатка... его личности...»

«Я его сын».

«Он в опасности...»

«Что с ним?!»

Шепот почти угас:

«Ветвь становится тенью... виртуальным миром... выхода не... ищи... по запаху... никому не...»

Давление на мозг Ивора прекратилось. Звезды внутри гигантской колючки погасли. Сама она почернела, покрылась сетью трещин и вдруг отделилась от корпуса корабля-матки,

упала на одно из восстановленных зданий города и с грохотом раскололась на задымившиеся осколки.

Ивор очнулся, поднялся чуть выше, разглядывая разбившийся негуман-корабль в поисках еще «живых» шипов, ничего не обнаружил и только теперь осознал всю серьезность происшествия и мрачную тайну появления посланцев. Отец оказался в опасной ситуации, и его надо было спасать!

С воем к трубе-«дубине» чужого космического корабля примчалась стая аппаратов, принадлежащих пограничникам, службе общественной безопасности, аварийно-спасательной службе, медикам и аэроинспекции, выбросила десант. Над городом загорелось МК-зеркало, освещающая каждую его деталь.

Закипела работа. Эфир заполнился «морским» прибором оперативных переговоров, команд, сводок, скрипами бланк-сообщений и возбужденными голосами корреспондентов информационных агентств. К зависшему в полукилометре от чужого спейсера Жданову приблизился упавший с неба галеон с эмблемой службы безопасности, откинул колпак блистера.

– Залезайте ко мне, молодой человек, – раздался чей-то глуховатый голос.

Человек на переднем сиденье аппарата повернул к Ивору голову, и тот узнал приятеля отца, комиссара-два Евразийского филиала наземной службы безопасности Федора Полуянова. Ивор не удивился появлению комиссара, лишь подумал, что тот оказался на месте катастрофы наравне с операми своей службы, что говорило о его быстрой реакции и ответственности.

– Какими путями тебя сюда занесло? – продолжал Полуянов, когда Ивор сел рядом с ним.

Пришлось рассказать об отдыхе в компании бывших выпускников университета.

– Они тоже наблюдали падение этой колымаги?

Ивор покачал головой.

– Они все разошлись, и я прилетел сюда ради любопытства. Лагерь находится в трех километрах отсюда. Если хотите, можем долететь до него и расспросить ребят.

– Мы так и сделаем. А ты видел весь процесс падения или только финальную стадию?

– Не знаю, я смотрел в небо... мечтал... – Ивор слегка порозовел. – И вдруг луч света! И появление этой громадины... издали она очень была похожа на дубину с шипами. Но все шипы при ударе о землю отвалились.

Полуянов пристально посмотрел на Жданова.

– Это точно? Все отвалились? Сразу или в какой-то последовательности?

В памяти Ивора всплыл мысленный шепот уцелевшего существа, обитавшего в глубине шипа:

«Ищи по запаху... никому не...»

Что хотел сказать умирающий организм? Кого следовало искать «по запаху»? И что значит «никому не»? Никому не рассказывай?

Пауза затянулась.

– Что молчишь? – добродушно проговорил Полуянов. – Ты все видел? Шипы отваливались не сразу? Некоторые из них были активными?

– Только один, – пробормотал Ивор.

– Ты с ним... контактировал?

– Н-нет, – ответил Ивор быстро. Слишком быстро.

– Не бойся, – усмехнулся Полуянов. – Никто ничего не узнает. Я друг твоего отца и понимаю кое-что в квестории. Тебе дали информацию о его местонахождении?

– Нет, – более уверенно сказал Ивор. – Я понял только, что он находится в какой-то умирающей Ветви и что ему грозит опасность.

О том, что посланник отца предложил искать его «по запаху», Ивор умолчал.

– В какой именно Ветви, ты не знаешь?

– Не знаю. Честно.

– Верю. – Полуянов задумчиво побарабанил пальцами по изогнутому подлокотнику сиденья, глядя на суету тревожных служб вокруг чужого космолета. – Жаль, что они не успели дать тебе точные координаты команды Жданова. Это помогло бы избежать многих неприятных процедур.

– Каких процедур? – не понял Ивор.

– Информация, которую ты получил, крайне важна, и нам необходимо знать малейшие детали. Придется сканировать твою память... если ты сам не вспомнишь все подробности.

– Вы шутите?! – не поверил Ивор.

– К сожалению, мой мальчик, ты не понимаешь всей серьезности происходящего.

– Но я действительно больше ничего не знаю! Тот, кто со мной разговаривал на пси-волне, был почти мертв и успел сообщить только об опасности, грозящей отцу. Кстати, вы должны знать больше, так как вы сами послали его в эту экспедицию.

– Ты прав, – кивнул Полуянов. – Я готовил экспедицию и должен был участвовать в ней, если бы не... – Комиссар пожевал губами. – Впрочем, это уже не важно. Однако прошу тебя о нашей беседе ни с кем не говорить, этим ты только усугубишь положение отца... да и свое тоже. Если вспомнишь еще что-нибудь существенное о выпадении посланника – позвони.

– Как вы сказали? О выпадении?

Полуянов покосился на лицо сбитого с толку молодого человека.

– Этот негуманский спейсер выпал из «струны» у Юпитера, облетел все планеты Солнечной системы, а потом прыгнул к Земле. Мне очень хотелось бы знать, почему он объявился здесь, в Мексике, хотя мы ждали его в другом месте, и почему именно ты стал свидетелем его выхода.

– Я н-не знаю...

– Верю. Хорошо, если на этом инцидент и закончится. Прощай пока. Звони, если что.

Ивор включил антиграв, поднялся над галеоном службы безопасности, проводил его взглядом. Галеон устремился к освещенной угрюмой колонне разбившегося негуманского спейсера, затерялся среди множества огней в карусели спецтехники.

Остро захотелось посоветоваться с отцом, рассказать о странных угрозах комиссара, поделиться впечатлениями от контакта с негуманами. Потом пришла мысль: мама тоже в свое время попутешествовала с отцом по мирам Древа и понимает в этом толк. Она может дать хороший совет.

Приняв решение, Ивор облетел кругом «дубину» чужого корабля, вокруг которого уже установили лучевую завесу для обозначения зоны недоступности, встретил возбужденных приятелей, примчавшихся к месту падения корабля, но делиться с ними полученной информацией не стал. Хотя желание повысить свой статус в глазах Альбины было. Но она с подчеркнутым победно-независимым видом держала за руку Костю Ламберта, и Жданов с грустью признал в душе свое поражение.

Выслушав с десятков предположений о причинах случившегося, Ивор тихо, по-английски покинул приятелей, забрал свои личные вещи в лагере и на турфлайте добрался до метро. Через несколько минут он вышел из метро Твери, – здесь царил полдень, – взял пинасс-такси и вскоре выбрался из него на сто сорок третьем ярусе седьмой жилой грозди города. Блок под номером девятнадцать, где жила семья Ждановых, венчал ярус и состоял из четырех комнат с перестраиваемым интерьером: двух спален, гостевого зала и рабочего кабинета с двумя независимыми выходами на Интерпаутину.

Мать была дома – занималась триаксом в компании подруг. Увидев сына, она обрадовалась и удивилась.

– Что-нибудь произошло? – спросила она, оставив подруг в гостиной. – У тебя неприятности?

Ивор понял, что она еще не знает о падении негуманского спейсера в Мексике.

– Неприятности, похоже, у отца, – мрачно проговорил он и поведал маме историю своего контакта с негуманоидом.

Ясена выслушала рассказ сына молча, не перебивая и не ахая, как это обычно делают все матери. Это была уже не та испуганно-решительная красивая девочка, стечением обстоятельств вырванная из родовой ниши на планете Гезем одной из «тупиковых» Ветвей Древа Времен. Став женой Павла, она закончила исторический факультет Московского университета, затем Академию пси-социологии, стала эф-аналитиком ВКС, потом начальником отдела квин-стории СЭКОНа. Куда бы ни заносила судьба мужа, она всегда была рядом, умудряясь при этом быть классным специалистом своего дела и любящей женой. Хотя в последний поход Жданова она почему-то осталась дома.

– Что будем делать? – тихо спросил Ивор, не дождавшись реакции матери.

Ясена очнулась.

– К Полуянову больше не обращайся, мальчик. Не нравятся мне его странные намеки. Я попробую навести кое-какие справки по своим каналам, а ты поговори со стариком Ромашиним. Думаю, он тебе кое-что объяснит.

– Кто это?

– Игнат Ромашин, бывший глава службы безопасности, теперь просто художник и скульптор. Статую «хронорыцаря» в нашем родном Парке Воспоминаний видел? Его работа.

– Почему ты уверена, что этот старик мне кое-что объяснит? Что именно?

– Поговори с ним, – уклончиво ответила Ясена. – Но больше никому ни слова! Особенно комиссару Полуянову. Обещаешь?

Ивор внимательно посмотрел на мать, и в сорок два года не потерявшую своей привлекательности и красоты.

– Ты от меня что-то скрываешь. Ты знала, что отец ушел в Ствол?

Ясена выдержала взгляд сына.

– Знала, но тебе знать об этом было рано. Разберемся с этим странным посланием негуманов – поговорим.

– Но почему нельзя об отце говорить с дядей Федором? Он же комиссар безопасности и друг отца.

– Есть хорошая пословица на этот счет: никогда не судите о человеке по его друзьям, у Иуды они были безупречны⁵. А теперь займись своими делами, мальчик, мне пора провожать подруг.

Ивор поцеловал мать, спустился в гостиную, попрощался с подругами мамы, проводившими его шутками и любопытными взглядами, и снова вызвал такси. Он решил не откладывать дела в долгий ящик и сразу поговорить с бывшим комиссаром земной СБ Игнатом Ромашиним.

⁵ П. Валери.

Глава 4

Мастерская художника и скульптора Ромашина Ивора не поразила. Она состояла всего из двух помещений: компьютерного вириала с видеозоной и виртуальным программатором и собственно скульптурной студии, где видеозарисовки обретали плоть, объем и жизнь. Ивору уже приходилось бывать в подобных мастерских, принадлежавших друзьям или творческим организациям, и ничего нового он увидеть не ждал. Но все же кое-что интересное ему показали.

Игнат Ромашин вышел к гостю сам, седой, темнолицый, худой, костистый, погруженный в свои мысли. Ивор смутился, не зная, как представиться и сообщить, что, собственно, привело его к бывшему комиссару. Но хозяин мастерской просто подал ему руку, сделал приглашающий жест и провел Жданова в свои апартаменты.

– Подожди здесь, – сказал он негромко, – я сейчас освобожусь.

Он вышел, а Ивор от нечего делать стал разглядывать выставленные в зале скульптуры, торсы, головы, принадлежащие в основном животным, а также существам, которых Жданов в большинстве своем никогда не видел. Однако встречались и знакомые фигуры, застывшие в пластолите или туг-бетоне, а иногда – в граните или известняке. Так, среди изваяний Ивор с удивлением увидел знакомую по квистории черепаху с усами – герплекса, представлявшего собой киборга-разведчика неких разумных существ. Десятки подобных «черепах» были запущены в Ствол кем-то из Игроков. А чуть дальше возвышалась жуткая шестиметровая фигура со змеиной головой, доставая макушкой потолок. Это был знаменитый пандав – обезьянозмей «хирургов», мощный киборг, способный самостоятельно передвигаться по «струне» через космическое пространство.

Находилась в этой компании и скульптура «хронорыцаря» – гиганта в фиолетовой чешуе с одним горизонтальным щелевидным светящимся глазом, сидящего на «кентавре», торс которого заменял острый голубовато-льдистый рог.

Но все же большинство изваяний коллекции Ивору было незнакомо. Он остановился напротив метровой высоты двояковыпуклой линзы с коричневой морщинистой шкурой, из которой выростали два желтоватых стебля, увенчанных пластинчатыми шляпками. Эти стебли со шляпками сильно смахивали на гигантские грибы – бледные поганки.

– Это матка мицелия, – раздался сзади голос Ромашина. – Форма разумной жизни типа «грибница». Ее обнаружила наша Даль-разведка на одной из планет шарового скопления в Волопасе.

– Мы такую не изучали, – пробормотал Ивор.

– Как ни странно, наши мицеллиты не участвовали в прошлой Игре, хотя засылали своих наблюдателей, а вот их кванки стали «правой рукой» Игрока. Я имею в виду «хронохирургов». Но давай о деле, у меня не так уж и много свободного времени. Пошли в мой кабинет.

Ромашин повел гостя на второй этаж строения, и они расположились в креслах уютного рабочего модуля, стены которого походили на светящиеся изнутри пчелиные соты.

– Слушаю тебя, – посмотрел на Жданова серыми пронизательными глазами бывший комиссар.

– Понимаете, я попал в необычное положение, – начал Ивор стесненно, – и мама советовала обратиться к вам.

– Продолжай.

Глаза Ромашина вспыхнули и погасли, а Ивор вдруг почувствовал облегчение и уверенность, волнение его улеглось.

– Я с друзьями отдыхал в Мексике, – продолжал он смелей, – и случайно оказался недалеко от места падения негуманского космолета. Вы, наверное, слышали об этом?

Взгляд Ромашина изменился, стал острым и сосредоточенным. Он наклонился вперед.

– Ты был там во время падения?

– Мало того, я контактировал с живым негуманом. – Ивор коротко рассказал скульптору о разговоре с обитателем гигантской «колочки» и о встрече с Полуяновым и добавил: – Из всего этого я понял только одно: отец в опасности! Комиссар не стал мне ничего объяснять, а мама знает лишь о походе отца в Ствол. Может быть, вы знаете о цели этого похода и почему он так засекречен?

Ромашин помял пальцами подбородок, склонив голову набок и о чем-то размышляя, потом стремительно вышел из кабинета. Ивор удивленно посмотрел ему вслед, не зная, как реагировать на уход хозяина, но тот вернулся буквально через полминуты и не один. За ним вошел такой же высокий человек в серебристо-сером унике, и ошеломленный Ивор перевел взгляд с его лица на лицо Ромашина и обратно: они были похожи, как братья! Вернее, у обоих было одно и то же лицо! Только прически были разными да волосы второго гостя казались темнее и не столь седыми.

– Знакомьтесь, – сказал Ромашин-первый, – Ивор Жданов, сын Павла и Ясены. Ивор, это Игнат Ромашин.

– Но вы... – Ивор пожал сухую сильную руку гостя. – Вы так...

– Я кванк Ромашина, – улыбнулся Ромашин-второй. – Или он – мой. Смотря с какой стороны посмотреть. Гошу вот у него второй день, разбираюсь с кое-какими проблемами.

– Садитесь, – сказал Ромашин-первый, выражая еще одно кресло, – поговорим без спешки.

– А как вы попали к нам? – наивно поинтересовался возбужденный Ивор. – Разве Ствол открылся? Он же был заблокирован.

– Ствол заблокирован, однако кое-какие его хронолифты работают. Ты квистор и изучал историю создания хронобура, поэтому мне не придется начинать с общеизвестных истин⁶. После того как Игра была остановлена, Ствол не исчез, продолжая соединять все Земли в мирах разных Ветвей, но все его выходы были перекрыты судебными исполнителями каждой Ветви.

– Нам это говорили.

– Теперь ты услышишь то, чего вам не говорили. Ствол не только не исчез, но стал *самостоятельной* Ветвью Времен, пространством обитания многих разумных существ, попавших в него во времена прошлой Игры. Кроме того, у него образовался свой хозяин...

– Стас! – вырвалось у Ивора.

Ромашины переглянулись, с одинаковыми усмешками посмотрели на порозовевшего молодого человека.

– Правильно мыслишь, – сказал Ромашин-первый.

– Именно Стас, инк Ствола, – кивнул Ромашин-второй. – Он-то и регулирует теперь жизнь в этой необычной Ветви, создавая локальные объемы бытия и свои хронолифты, недоступные влиянию извне.

– Но как же вам удалось проникнуть внутрь Ствола, если он заблокирован, а хронолинии подчиняются только Стасу?

– Удалось, – снова усмехнулся Ромашин-два. – Это длинная история. Главное, что мы имеем возможность посещать через Ствол соседние Ветви. Я, твой отец и кое-кто еще.

– Кажется, я понимаю. Все вы в прошлой Игре вместе со Стасом играли на одной стороне...

– И он остался нашим другом. Правильно мыслишь, квистор. Однако давай-ка вернемся к твоей встрече с Полуяновым. Почему он вдруг заговорил о пси-сканировании?

⁶ См. книги автора «Бич времен» и «Схрон».

– Меня это тоже удивило. Ведь я сказал ему все, что знал... – Ивор прикусил язык, вспомнив, что не сообщил Полуянову некоторые подробности контакта с негуманом. Виновато обвел глазами внимательные лица собеседников. – Извините, я кажется... солгал. Негуман произнес странную фразу... будто отца можно найти по запаху, но об этом я Полуянову не сказал.

Ромашины обменялись быстрыми взглядами.

– Ты правильно понял посланника? Он так и сказал: «по запаху»?

Ивор пожал плечами.

– Контакт был практически селективным, я слышал мысли негумана почти как звуковую речь. Он так и сказал: «Можно найти отца по запаху». Если предполагать, что... – Ивор застыл с открытым ртом, прошептал: – Кажется, я понял...

Ромашины не шевельнулись, и он продолжал:

– Негуман имел в виду «запах» мысли, «запах» личности! Ведь сам он нашел меня именно таким образом, посетив множество Земель в других Ветвях.

Ромашин-второй почесал затылок, прищурился.

– Ей-богу, общение с этим юношей доставляет мне удовольствие. Можно говорить, что я не зря посетил вашу Землю.

– Он сын своего отца, – усмехнулся Ромашин-первый. – А Жданов, как говорится, и в Африке – Жданов.

– Жаль, что в нашем мире у нашего Жданова нет такого сына.

– Потому что такая жена, как у нашего Жданова, – единственная на все Ветви.

– Ты прав, скульптор. Давай теперь займемся развитием идеи этого парня – как найти его отца в Мультиверсуме по «запаху» личности.

– Где-где? – встрепенулся Ивор. – В Мультиверсуме?

– Так у нас называют Большую Вселенную, состоящую из бесчисленного количества пузырей-Метавселенных, которые, в свою очередь, образуют «кусты», или Фракталы Времен. Но об этом мы еще поговорим.

Ромашин-второй встал.

– Спасибо за информацию, Ивор Жданов. Сдается мне, мы увидимся в скором времени.

– Но вы не сказали, куда и зачем ушел мой отец!

Ромашин-второй посмотрел на первого.

– Дашь ему пакет? По-моему, он надежен и умеет держать язык за зубами.

– Да, – пообещал скульптор.

Ромашин-второй похлопал Ивора по плечу, пожал руку хозяину кабинета.

– Найди по своему Полуянову все, что сможешь, нам нужен полный интенционал. Я свяжусь с тобой сам.

Открылась и закрылась дверь кабинета. Ивор и Ромашин-первый остались одни, глядя на дверь. Затем Ивор сказал:

– Он действительно попытается найти моего отца?

– В принципе он ищет своего Жданова, а не твоего отца, но судьба Ждановых соединяет их всех. Найдется один – отыщутся и остальные. Однако мой кванк – человек решительный, если сказал – сделает. В своей Ветви он так и остался комиссаром, не то что я здесь.

Ивор прищурился.

– Мне почему-то кажется, что вы и у нас здесь занимаетесь не только свободным творчеством. Мой отец говорил о секторе контрразведки в УАСС. Вы случайно не возглавляете его?

Ромашин добродушно рассмеялся.

– Расколос старика, ясновидец. И хотя сектор контрразведки я не возглавляю, но имею к нему кое-какое отношение.

Помолчали.

– Все равно не понимаю, зачем вашему кванку понадобилось решать наши проблемы. Своих не хватает?

– Ну, проблем и у них полон рот: хронозеркала, таинственный Наблюдатель, «мячи дьявола», гасящие звезды, «спящие джинны» – роботы негуманов, способные изменять реальность... И Жданов у них свой имеется. Но, во-первых, он тоже пропал, как и твой отец, а во-вторых, их проблемы тесно увязаны с нашими.

– Это как?

Ромашин пожевал губами, с некоторым сомнением глядя на гостя, пощипал подбородок.

– Пожалуй, я дам тебе почитать докладную записку аналитиков безопасности, подготовленную для ВКС. Ты все поймешь.

– Может быть, хотя бы намекнете, что происходит?

– Можно и намекнуть. Вкратце происходит следующее. Ты не интересовался статистикой некоторых отрицательных явлений в масштабах Земли?

– Нет, – озадаченно покачал головой Ивор. – Не приходило в голову.

– А зря. Иначе бы ты заметил некие негативные тенденции. За последние двадцать лет в нашей Ветви произошли изменения некоторых физических констант, повлекшие за собой, в свою очередь, изменения физических и психических кондиций человечества.

– О каких константах идет речь?

– В первую очередь изменилась масса электрона – увеличилась, хотя и незначительно, на три десятых процента. Плюс к этому – увеличилась эф-константа вакуума, отвечающая за его осцилляции: их амплитуда возросла, а частота снизилась, что, в свою очередь, отразилось на самочувствии всех существ, населяющих нашу Ветвь. К примеру, люди стали чаще страдать психическими заболеваниями и умирать от кровоизлияний в мозг, и тенденция эта продолжает развиваться.

– Может быть, изменения констант здесь ни при чем?

– Нам тоже хотелось так думать, но эксперты догадались провести закрытое исследование ситуации с увеличением смертности и нашли его причину. Виноваты именно те процессы, о которых я говорил.

– Но каким же образом экспертам удалось измерить увеличение массы электрона? Ведь это произошло сразу во всем объеме нашего метагалактического домена? Изменились параметры не только измеряемых объектов, но и самих инструментов.

– Молодец, квистор, тебя не напрасно учили премудростям квантовой физики и истории. Мы сами не сразу определили бы сдвиг констант, если бы нам не помогли коллеги из соседней Ветви, предоставив независимую – от наших местных условий – аппаратуру. Раскачка вакуума имеет место, и это означает...

– Что начавшаяся Игра отражается и на нашей Ветви!

– Совершенно верно. Вот для нейтрализации этого воздействия мы и направили группу во главе с твоим отцом в нижние Ветви.

– Вы отправляли?

– Нет, конечно, командовал всем процессом подготовки и запуска Федор Полуянов.

– Почему же он так странно прореагировал на появление посланника отца?

– Разберемся. О нашем разговоре – никому ни слова.

– Даже маме?

– Мама работает вместе со мной, ей можно. – Ромашин улыбнулся, заметив прыгнувшие вверх брови собеседника. – Она из тех редких женщин, которые способны коня на скаку остановить, в горящую избу войти, постоять за себя и хранить тайны. С комиссаром постарайся не откровенничать или не встречаться вовсе. Этот человек явно что-то скрывает от нас всех, необходимо узнать – что именно и по какой причине.

– Я знаю его плохо.

– Возможно, мы тоже знаем его недостаточно. В прошлой Игре он играл вместе с нами...
– Ромашин оборвал себя, встал. – Будь внимателен, квистор. заметишь что-нибудь необычное, постарайся сообщить.

Ивор тоже поднялся, с сожалением подумав, что уходить не хочется, пожал руку Игнату, и тот проводил его к выходу из мастерской. На пороге Жданов задержался, кивнул на ряды скульптур, в большинстве своем изображавших чужих существ.

– Вас не компрометирует это анимационное творчество?

Бывший комиссар понял.

– Наоборот, никто не обращает внимания, все считают мое увлечение чудачеством. Очень удобная позиция.

Из-за спины Ромашина вдруг вышла тоненькая миниатюрная девушка в легком сарафане, облегающем фигуру. Она так напоминала Ясену: тот же овал лица, те же широко расставленные удлинённые зелёные глаза, те же брови взлет, – что Ивор потрясенно уставился на нее, забыв о приветствии.

– Знакомьтесь, – покосился на нее скульптор. – Моя дочь Мириам.

– Здравствуйте, – улыбнулась девушка, окидывая Жданова смеющимся дерзким взглядом. – Я могла вас видеть прежде?

– Ты видела его мать, – проворчал Игнат. – Она бывала у нас в гостях. Уходишь?

– Да, мне пора на занятия.

– Не возражаешь, если тебя проводят?

Глаза Мириам оценивающе прошлись по фигуре Ивора, и тот впервые в жизни пожалел, что он не атлет.

– Если твой гость не спешит...

– Не спешу, – быстро сказал Ивор.

– Я так и предполагал, – кивнул Ромашин, пряча в глазах веселые искры. – Возьмите мой флайт. – Скульптор посмотрел на Жданова. – Она учится на факультете квистории СЕГУ, который ты закончил.

– Правда? – удивленно глянул на девушку Ивор.

– Правда, – засмеялась она. – Заканчиваю четвертый курс. Потом летняя практика в какой-нибудь археоэкспедиции, дипломная работа и экзамен. Пойдемте, а то я опоздаю на коллоквиум.

Мириам схватила Ивора за руку и потащила во дворик дома Ромашиных, где уже стоял готовый к полету личный аппарат Игната – каплевидный трехместный флайт цвета «брызги шампанского». Игнат проводил их задумчивым взглядом и вошел в мастерскую.

Дом, принадлежащий семье бывшего комиссара, располагался на территории Волоколамского заповедника в зоне владений лиц с высоким социальным статусом. Он принадлежал еще отцу Игната Филиппу, бывшему игроку сборной Земли по волейболу, а потом ее тренеру (в Ветви, откуда к Игнату прибыл его кванк Ромашин-второй, Филипп Ромашин стал конструктором таймфаговой аппаратуры, а потом сотрудником и комиссаром службы безопасности). Это был трехэтажный коттедж, стилизованный под древнерусские хоромы, с высокими двускатными крышами, резными наличниками и панелями, с маковками башенок и высоким крыльцом. Мастерская Ромашина была пристроена к дому позднее, но в том же стиле и не портила архитектурных пропорций.

Дом стоял у небольшой реки среди других строений, принадлежащих деятелям науки, культуры, искусства и виратуры⁷, а также крупным чиновникам правительства Московского нойона, и не особенно выделялся среди них размерами и эстетикой форм. Здесь встречались гораздо более мощные и вычурные сооружения, созданные фантазией строителей.

⁷ *Виратура* – видеолитература, литература с игровой текстовой разверткой.

Подлетая к дому Ромашиных, Ивор вдоволь налюбовался формой коттеджей, теперь же, улетаая вместе с дочкой скульптора, бросил вниз, на отдаляющийся город, утопающий в зелени леса, лишь один взгляд. Мириам завладела его вниманием полностью.

Через минуту после знакомства они уже перешли на «ты» и болтали обо всем, что приходило в голову, вспоминали преподавателей университета, искали общих знакомых, рассказывали о своих пристрастиях и увлечениях, шутили, смеялись, будто были знакомы всю жизнь, и не заметили, что за ними в отдалении следует малозаметный на фоне облаков белый галеон.

Здание Среднеевропейского гуманитарного университета располагалось в Минске, бывшей столице Белоруссии, ныне – правительственном центре Белопольского нойона. До него быстрее можно было добраться на метро из Волоколамска, но молодые люди об этом не подумали, и путешествие на флайте длилось около двадцати минут, пока он мчался на юго-запад в воздушном коридоре скоростных машин.

Попрощались на крыше одной из башен университета, договорившись встретиться вечером. Ивор хотел было прочитать Мириам только что сложившиеся стихи, но вместо этого сказал как нечто очень важное:

– Ты не представляешь, как ты похожа на мою маму!

Девушка засмеялась, выскакивая из кабины флайта.

– Потому что моя мама из того же родового клана, что и твоя. Ее зовут Ярина, отец посещал ее мир – Гезем, влюбился и привез сюда, на Землю. Мы еще поговорим на эту тему.

Умчалась.

А он остался сидеть в кабине с ощущением безмерного удивления, ошеломленный, обрадованный, еще не вполне поверивший в счастье знакомства с девушкой, которую ждал и которой уже давно посвятил многие стихи. Альбина Яворская отошла на второй план и исчезла, превращаясь в символ.

Ивор поднял глаза к небу и вслух проговорил:

Прохожих не видно, но самую первую
увидю тебя, мне недолго идти.

А встреча случится.

Я так в это верую,
что это не может
не произойти!..

Стихи эти были написаны давно, но теперь казались пророческими.

Глава 5

Два дня Ивор прожил как в тумане, находясь под впечатлением знакомства с дочерью Ромашина и проведенного с нею вечера. Стихи почему-то не слагались, хотя душа жаждала каких-то чудесных открытий и ждала новых встреч с девушкой, оказавшейся дальней родственницей мамы. Лишь на второй день после вечерней встречи с Мириам Ивор написал несколько строк:

Что это было? То ли наважденье
От чар луны в глухой полночный час?
То ль краткий миг внезапного прозренья,
Что раскрывает больше тайн для нас,
Чем древние ученья?..

Вечером девятнадцатого мая он не выдержал и позвонил ей, не зная, как она прореагирует на звонок. Однако девушка восприняла его появление нормально и с детской непринужденностью предложила присоединиться к ее компании.

Ивор уже имел опыт одиночества в компаниях приятелей, поэтому согласился не сразу, подумав, что если он не придется ко двору и компании Мириам, то это уже диагноз. Но отказываться от встречи со ссылкой на то, что не знает друзей девушки, он не стал.

К счастью, опасения его оказались напрасными.

Компания Мириам состояла из двух парней и трех девушек, собравшихся поиграть в теннис на кортах австралийского спорткомплекса в Маалу. Ивор неплохо играл в теннис, и стесняться своей спортивной несостоятельности ему не пришлось. В паре с Мириам он выиграл два матча, после чего окончательно расположил к себе друзей девушки и перестал чувствовать себя лишним.

Наигравшись вдосталь, компания вымылась под душем, поплавала в бассейне с чистой морской водой и вечер просидела в бунгало-баре «Маалу-рок» на берегу океана. Здесь посетителей обслуживали живые люди, выступали живые музыканты и певцы-аборигены, было шумно и весело. Ивор впервые в жизни попробовал австралийскую кухню и полакомился экзотическими фруктовыми салатами из гриндиллы, или «плода страсти», как его называли, чай-ота и барбакару. Первое ему понравилось, второе и в особенности третье – нет.

Потом они гуляли по крупному белому песку на берегу океана, глядя на светящиеся изнутри волны, пели, читали стихи, с интересом поглазели на плантацию светящихся в темноте багбрабусов – летающих пузырчатых мхов, привезенных с одной из планет альфы Возничего. Мхи сплетались в причудливые ажурные замки, напоминающие искусственные архитектурные сооружения, и можно было понять дальразведчиков, наткнувшихся на эту форму жизни и принявших ее за следы разумной деятельности.

Поздно вечером по местному времени компания разделилась на пары, и как-то само собой получилось, что Ивор остался с Мириам. Девушка притихла, глядя на высыпавшие звезды, видимые сквозь вуаль реклам и светомузыкальных струй; они стояли на скале, нависшей над водой.

– Тебе не хотелось бы попутешествовать по Вселенной? – прозвучал ее тихий нежный голос.

Ивор, чувствуя ее локоть, но не смеющий обнять, ответил не сразу, мысленно нанимая на свое настроение строчки рождавшихся стихов:

– Я посещал наши лагеря у других звезд. Вместе с отцом.

– Я имела в виду Большую Вселенную.

- Древо Времен?
- Есть гипотеза, что Древо Времен не одно во Вселенной. Разве ты не проходил курс вариантной истории?
- Проходил и гипотезу слышал.
- Так хочется взглянуть на Земли других Ветвей!
- Ивор улыбнулся.
- Мне знакомо это чувство. Наверное, об этом мечтают все, кто занимался квисторией.
- К сожалению, Ствол заблокирован, и проникнуть внутрь него невозможно.
- Но ведь твой отец каким-то образом проник в него? – заметила девушка.
- Откуда ты знаешь?
- Она удивленно оглянулась.
- Ты же сам говорил. Да и папин кванк, приходивший к нам, прибыл сюда из своей Ветви через Ствол.
- Необязательно, он мог использовать трансгресс.
- Нет, не мог, трансгресс, если ты помнишь курс технологии Игр, система, предназначенная для судейского персонала, а не для людей.
- Мой отец пользовался трансгрессом свободно.
- Потому что он был участником Игры и потенциальным Игроком.
- Хорошо, не будем спорить. Но я почему-то уверен, что трансгресс открыт для людей, просто мы не знаем кода его вызова. Кстати, чтобы проникнуть в Ствол, заблокированный прошлым судебным исполнителем...
- Тебе известно, кем он был? – перебила Ивора девушка.
- Отец говорил, что им был Игорь Марич. Так вот, чтобы пройти в заблокированный Ствол, нужен дриммер.
- Значит, он у твоего отца имеется.
- Если бы дриммер был у моего отца, он не просил бы помощи. Надо выяснить, у кого он остался на Земле, и передать отцу.
- А что, это мысль, – загорелась Мириам. – Я подозреваю, что он у комиссара.
- Почему же Полуянов до сих пор не выручил отца?
- Потому что не заинтересован в этом. Недаром он спрашивал о твоём разговоре с посланником и пригрозил сканировать память. Я вообще считаю, что этот человек что-то скрывает и даже, может быть, уже играет на стороне одного из новых Игроков.
- Ивор озадаченно посмотрел на профиль девушки, высказавшей то, что мучило его самого.
- Тогда нам надо поговорить с твоим отцом и поделиться нашими соображениями.
- Зачем делиться? Мы сами все выясним и сделаем. Ты не знаешь моего папочку: он на километр не подпустит нас к Стволу и вообще к этой проблеме. Давай действовать самостоятельно.
- Но как-то не очень удобно... – промямлил Ивор.
- Мириам повернулась к нему, решительно сдвинув брови.
- Ты хочешь выручить своего отца?
- Хочу.
- Тогда отбрось все колебания! Я попытаюсь выведать место нахождения дриммера по своим каналам, ты по своим. Как только получим его – начнем действовать. А сейчас предлагаю посмотреть на Ствол.
- Можно подумать, ты его не видела.
- Ночью он красивее и таинственнее.
- Нас к нему не пропустят близко.
- У меня есть папин пропуск.

Ивор невольно улынулся.

– Я не думал, что ты такая решительная.

– А я не думала, что ты такой несамостоятельный, – рассердилась Мириам. – Летим к метро. – Она взяла его за руку. – Я беру над тобой шефство и выведу в люди. Квисторы мы или не квисторы? Способны заменить дедов и отцов или нет?

– Способны, – со вздохом заверил ее Ивор.

Через минуту они сидели в такси, которое доставило молодых людей к метро Маалу, затем в Брянске нашли свободный флайт и направились к двухкилометровой колонне хронобура, располагавшейся недалеко от небольшого старинного городка Жуковка.

Когда-то Ствол выглядел как куст черного чертополоха, представляя собой конгломерат проросших друг в друга пространств с разными свойствами. Но двадцать лет назад он вдруг потерял форму чертополоха и теперь издали казался гладким светящимся белым минаретом, вершина которого растворялась в световой вуали неба. Вблизи же он вырастал в рифленую пористую гору, ощутимо массивную и тяжелую, внушающую беспокойство и дискомфорт. К тому же эта рукотворная гора была окружена вогнутой полупрозрачной стеной энергоотражателя и цепью рогатых слоноподобных туш хроностабилизаторов, усиливающих эффект тревожного ожидания.

Однако ближе чем на три километра флайт с молодой парой не подпустили. Стоило ему достичь окраины Жуковки, как перед аппаратом высветилась в воздухе алая надпись: «Внимание! Запретная зона! Вход без пропуска запрещен!» Затем из-за стены энергоотражателя выметнулся луч оранжевого света и нарисовал перед носом флайта решетку, что на языке аэроинспекции означало: «Остановитесь немедленно!»

На панели киб-пилота замигал желтый огонек вызова. Ивор остановил флайт, включил приемник.

– Борт ноль-ноль-шесть, – раздался в кабине скрипучий недовольный голос. – Поверните назад. Зона в радиусе трех километров закрыта для пролета любых видов транспорта.

– Имею пропуск службы безопасности с красной полосой, – ответила Мириам. – Номер сто одиннадцать двести.

Короткая пауза. Потом тот же голос проговорил:

– Пропуска данной серии недействительны. Немедленно покиньте запретную зону!

– Как недействительны?! – возмутилась девушка. – Это же пропуск моего... – Она прикусила язык.

Из темноты перед висящим в воздухе флайтом возник треугольный хищный контур когга с синими огнями воздушной инспекции.

Ивор встрепенулся, дал команду кибу, и флайт сдал назад, удаляясь от фарфорово-белой башни Ствола. Когг воздушного патруля бдительно сопровождал его до вылета из зоны и сгинул.

– Ничего не понимаю! – с досадой сказала Мириам. – Отец же пользовался этим пропуском неоднократно.

– Значит, что-то произошло, – пожал плечами Ивор. – Поменялись коды, сигналы, начальство изменило допуск. Мало ли что еще? Может быть, виной всему появление негуманского спейсера. Если так, то мы вообще не сможем подойти к Стволу.

– Что-нибудь придумаем. – Мириам оглянулась. – На меня хронобур действует, как красная тряпка на быка. Так хочется побродить по его коридорам, побывать в других Ветвях, познакомиться с другими кванками...

Ивор промолчал, хотя у него тоже изредка возникало это желание. Сами собой сложились строки:

Там свой мир.

Он и сложен и прост.

Он прекрасен в своей виртуальности.
Эй, ты там, наверху!
Помоги,
Дай ответ на вопрос:
Что нас ждет за порогом реальности?

Он медленно прочитал их вслух.

Мириам замерла, разглядывая выхватываемое из темноты сполохами реклам лицо спутника, задумчиво проговорила с каким-то странным выражением недоверия и восхищения одновременно:

– Ты действительно поэт, Жданов. А я поначалу отнеслась к твоему дару скептически. Прости, ладно? Почитай еще что-нибудь свое. Впрочем, – вспомнила она, где находится, – у нас еще будет время. Помчались по домам, утром займемся неотложными делами. Время не ждет.

Ивор был с ней полностью согласен, хотя домой лететь не хотелось. Хотелось продолжить вечер и быть с дочкой Ромашина еще долго... долго...

* * *

Мама не одобрила идею Мириам тайно от всех проникнуть в Ствол с помощью дриммера и отправиться на поиски отца. Но Ивор и не ожидал от нее иной реакции. Идея уже захватила его, а отступать, пасовать перед трудностями он не любил, поэтому спорить с матерью не стал, просто сделал вид, что ее доводы его вполне убедили.

Поразмыслив над проблемой проникновения в здание хронобура, Ивор понял, что особых шансов заполучить дриммер у него нет. Единственный путь, ведущий к этой цели, состоял в прямой просьбе комиссару дать ему на время лонг-меч (так называли дриммер соотечественники мамы). Но реакцию Полуянова нетрудно было представить, прямой путь вел в тупик, и молодой квистор решил пока не ломать голову над проблемой добычи дриммера. Стоило попробовать пробраться в Ствол иным путем, для чего надо было как следует проштудировать теорию хронобурения Златкова и вспомнить ее техническое воплощение в конструкции Ствола.

Весь день двадцать первого мая Ивор просидел дома в контакте с инком университета, созерцая эвереттовские «оленьи рога» и «фрактальный папоротник» Златкова, и пытался найти ответ на вопрос: в чем ошибся знаменитый создатель метатеории Древа Времен, занимаемая пост Судьи в прошлой Игре, за что его освободили от исполнения обязанностей служителя правосудия.

«Оленьи рога» Ивор вполне понимал: они графически поясняли идею древнего ученого Хью Эверетта-третьего, изложившего еще в пятьдесят седьмом году двадцатого века теорию многовекторного ветвления Вселенной как следствия реализации вероятностной изменчивости мира.

А вот «фрактальный папоротник» Златкова с траекторией Ствола каждый воспринимал по-своему, и объяснить им влияние хронобура на Древо Времен было нелегко.

Как объясняли теорию преподаватели университета, Ствол ограничивал количество альтернативных копий в точках своего выхода, как бы угнетал развитие Метавселенных, сужал спектр возможностей многовариантной реализации Древа, зато инициировал другой процесс – рождение Древа маловероятных и совсем невероятных состояний материи. Например, в таких Метавселенных становились равноправными нетранзитивные отношения, при которых одновременно два взаимоисключающих друг друга события спокойно уживались рядом (или «внутри» друг друга), не аннигилируя при этом, порождая причудливые «миры-призраки вир-

туальных несогласий» и миры парадоксальных метрик (таких, например, где параллельные прямые одновременно являются перпендикулярными). Представить подобные состояния удавалось не всем, даже Ивору с его хорошо развитой фантазией поэта, да он особенно и не старался это сделать, зато еще раз убедился, что Ствол стал своеобразным ограничителем реальных состояний и детонатором недоступных наблюдению человеком миров, где в принципе невозможное становилось возможным. В рамках этого подхода можно было принять и существование «абсолютных невероятий» (термин принадлежал Златкову) и «физики недоступного совершенства» (термин отца Ивора).

В конце концов Ивор устал от попыток анализа умозаключений ученого (когда он еще только учился, эти умозаключения были интересными), создавшего хронобур, и принялся кропотливо искать слабые места сооружения, через которые можно было пробраться к одной из хрономембран. В свое время он отнесся к изучению конструкции хронобура спустя рукава, хотя и сдал предмет – конструирование хронооборудования – на «отлично». Теперь надо было срочно наверстывать упущенное.

Однако углубиться в изучение конструкции Ствола ему не дали. Только он успел выяснить, что Ствол имеет тридцать зон безопасности (модулей, свободных от хрононоса) и всего три тамбур-входа, как домовый сообщил хозяину, что к нему пришел гость.

Ивор, одетый в майку и шорты, открыл дверь и остолбенел.

Гостем оказалась молодая женщина сногшибательной красоты, одетая по моде «парео-нет»: платье на ней как бы имелось и в то же время как бы отсутствовало, и по телу безупречных форм и линий бродили радужные просверки и туманно-прозрачные вихрики, нередко открывающие на несколько мгновений считавшиеся интимными места. Волосы у нее были рыжие, со светящимися кончиками, глаза ярко-желтые, с поволокой, губы то темнели до черноты, то раскалялись до алого свечения. В руке незнакомка держала сумочку-сквош неопределенных очертаний, также похожую на вскипающее облачко.

Все знакомые девушки Ивора, конечно, следили за модой и носили уники или платья в соответствии с рекомендациями ведущих модельных агентств мира, а также не забывали о новейших разработках в области макияжа и артбодинга, но гостя Жданова была в ы з ы в а ю щ е современна! Вдобавок ко всему по коже ее тела бродили паутинки эротических сцен, уши то удлинялись до плеч, то исчезали вовсе, ногти «проваливались» в себя, превращаясь в микровитейры – объемные картинки, комбинации запахов кружили голову собеседника, а весь костюм, представляя собой генератор пси-возбуждения, создавал почти непреодолимый шарм женщины-вамп, обещавшей неизъяснимое наслаждение.

– Вы долго собираетесь держать меня на пороге? – кокетливо улыбнулось небесное создание.

Ивор очнулся, проглотил слюну.

– Вы ко мне?

Гостя засмеялась.

– Если вы Ивор Жданов, то к вам.

Ивор посторонился.

– Проходите, пожалуйста. Извините, я никого не ждал, поэтому в таком виде... я сейчас переоденусь.

– Не суетитесь, я ненадолго и к тому же неплохо вижу в инфракрасном диапазоне, так что не стоит стараться выглядеть лучше, чем вы есть в состоянии онатюрель⁸.

Покрасневший Ивор провел даму в гостиную, интерьер которой в стиле маккалоа не менял по крайней мере уже два месяца, и предложил быть как дома, пока он все-таки сменит наряд.

⁸ Au naturel (фр.) – в природном виде, голый.

– Что будете пить? – спросил он через минуту, появляясь в спортивном костюме. – Чай, кофе, тоник? Или, может быть, вино?

– Спасибо, я не люблю напитки вашей Ветви, – равнодушно проговорила незнакомка, без особого любопытства окидывая взглядом атрибутику маккалоа: ниши, статуэтки, циновки, магические чаши с орнаментом, вычурные плетеные стулья и кресла.

Ивор вздрогнул, внезапно прозревая.

– Кто вы?!

– Вы правильно догадались, – усмехнулась гостья, усаживаясь в кресло рядом с двухметровой статуей жихаря, сплетенной из соломы и тростника. – Я не из вашей Ветви и прибыла сюда лишь ради встречи с вами.

– Кто вы? – повторил вопрос Ивор.

– Я гонец одного из Игроков, можете называть меня «хронокурьером».

– Вы... не похожи...

– На женщину?

Золотые глаза гостьи вспыхнули, алые губы призывно раскрылись, руки потянулись к Ивору, так что он невольно сделал к ней шаг, но ее глаза вдруг заледенели, и Жданов отшатнулся, трезвея. Незнакомка засмеялась.

– Для контакта не имеет значения, кто я в вашем понимании – мужчина или женщина. Скажем, во мне есть многое от одного и от другой, хотя и не в половом отношении. А вы молодец, коли учуяли это. Но если вам будет легче, я изобразю мужчину...

– Нет-нет, необязательно, – поспешно сказал Ивор. Сделал усилие, и чары гостьи развеялись. Тогда он сел в кресло напротив и сказал уже более свободно:

– Я имел в виду имя. Как вас называть?

– Зовите меня Тирувилеиядаль.

– С какой стати гонца Игрока заинтересовала моя скромная персона? Я ведь только только закончил университет и еще ничего не...

– Уровень ваших знаний не имеет значения, главное – уровень личности. Вы – сын судебного исполнителя с потенцией Игрока. Этого пока достаточно.

– Я сын... судебного?..

– Человек-спектр Павел Жданов как с т а я кванков в прошлой Игре сыграл роль помощника судебного исполнителя, хотя и неосознанно. Вам же предлагается стать эмиссаром другого Игрока в новой Игре.

– Но почему мне? – растерялся Ивор. – Ничего особенного в своей жизни я не совершил. К тому же я не профессионал спецназа.

– Профессионалов спецназа у нас хватает, – засмеялась Тирувилеиядаль (хотя, может быть, следовало сказать – засмеялся? или вообще – засмеялось?). – Не хватает умных индивидуальных исполнителей с большим пси-резервом и внутренней свободой.

– Вы считаете, что я и есть человек с большим... э-э... пси-резервом? – хмыкнул Ивор.

– Мы не считаем, мы знаем. Наблюдатели наши, как правило, не ошибаются, а они следят за вами практически со дня рождения.

Ивор недоверчиво прищурился.

– Зачем?

– Обычная практика наблюдения за потенциально мощными личностями. Я уже говорила: вы сын судебного исполнителя и дочери колдуна с планеты Гезем, имеющей задатки ведуньи, а значит, и преемник их паранормальных возможностей.

– Но я ничего такого... – Ивор пошевелил пальцами, – не умею!

– Пси-резерв иногда просыпается поздно. Однако вы уже проявляете кое-какие способности, остальное всплывет в нужное время и в нужном месте.

– Какие еще способности?

– Поэтами в вашем мире становятся далеко не все. Это задаток. Но мы уклонились от темы. Вы согласны выбраться из русла рутинного бытия и свернуть на дорогу, ведущую к абсолютной власти?

Ивор усмехнулся, получил хлесткую мысленную пощечину – взгляд золотых глаз посланца Игрока, – инстинктивно загородился прозрачным щитом воли (сразу стало легче) и пробурчал:

– Власть мне не нужна.

– Власть нужна всем! – с презрительной убежденностью заявила Тирувилеиядаль. – Это единственная субстанция на все Древо Времен, придающая смысл Игре, Игрокам и самому Древу, способствующая проявлению творческих сил и высших гармоний.

– Если войну между Игроками вы называете высшей гармонией...

– Войной Игру называете вы, люди. Она же и в самом деле помогает проявлять Древу все варианты и комбинации времен и вселенных.

– Ну, не знаю... может быть... не думал...

– И вам не интересно убедиться в этом воочию? Пробудить свои силы и увидеть то, чего никто из ваших соотечественников никогда не увидит?

– Почему же – интересно...

– Так в чем же дело? В бесконечно многих мирах условия существования таковы, что у людей нет ни слов, чтобы их описать, ни фантазии, чтобы мысленно представить. А вам это станет доступно!

– Я... боюсь, – простодушно признался Ивор.

Тирувилеиядаль засмеялась.

– Мы поможем вам избавиться от страха. Итак, вы согласны?

Молодой человек упрямо сдвинул брови.

– Я еще не принял решения. Мне надо подумать.

– Хорошо, думайте. – Гостья встала, соблазнительно качнув бедрами. – Не в качестве метода вербовки, а в качестве подарка могу предложить сексуальную игру. Убеждена, вы получите истинное наслаждение!

– Не сомневаюсь, – хмуро бросил Ивор, подавляя в душе желание схватить женщину в охапку и бросить на кровать.

Брови посланницы Игрока изогнулись, она смерила хозяина взглядом и направилась к выходу. Уже на воздушной дорожке, ведущей к другим жилым модулям грозди, остановилась и оглянулась.

– О нашем разговоре лучше не рассказывать никому. Решение вы должны принять лично. Иначе придется очищать память.

Из-за соседней «виноградины» вывернулся каплевидный пинасс, затормозил возле рыжеволосой красавицы и унес ее в небо. Ивор постоял немного, провожая аппарат задумчивым взглядом, зябко передернул плечами и поспешил в дом, бормоча под нос:

– Еще одна угрожает сканированием памяти... уж не работает ли дядя Федя Полуянов в одной упряжке с мадам Тирувиле... и как там еще?... иядаль?..

В кабинете Ивор уселся в кокон-кресло компьютерной зоны и вызвал Мириам. Пора было признаваться, что он не придумал способа добычи дриммера и не знает, как пробраться в Ствол незамеченным.

Глава 6

В гости к Ромашиным Ивор приходил теперь как к себе домой, хотя всегда с трепетом ждал встреч с Игнатом, которого не то чтобы боялся, но опасался и уважал. Если же Ромашин отсутствовал, молодой человек переживал облегчение и одновременно чувство вины, тут же исчезавшее под натиском энергии Мириам. В такие моменты он подолгу созерцал творения отца девушки, в том числе – объемные картины (в основном пейзажи других планет), и сожалел, что не родился художником.

Так было и на этот раз, когда наутро после встречи с посланцем Игрока он заявился к Мириам, чтобы обсудить дальнейшую программу действий.

Дочери Ромашина тоже не удалось найти лазейку в Ствол в обход всех охранников хронобура, и ее сумасбродный план ничем не отличался от сумасшедшей идеи Ивора – прижать Федора Полуянова к стенке, заставить рассказать все о посылке команды Жданова-старшего в Ствол и отдать дриммер.

Посмеявшись вдвоем над своими идеями, молодые люди приуныли, потом все же поднялись из мастерской в жилой блок, засели за инк-информатор и принялись обсуждать способы проникновения внутрь Ствола, пользуясь полным описанием конструкции хронобура, доступным лишь сотрудникам службы безопасности.

Им повезло: описание хранилось в памяти персон-инка отца Мириам, имевшего доступ ко многим секретным файлам службы.

О предложении, которое ему сделала курьерша Игрока Тирувилеиядаль (не догадался спросить, балбес, – кто этот Игрок, из какой Ветви Времен и что из себя представляет), Ивор пока никому не говорил, в том числе Мириам, но курьерша сама напомнила о себе, и Жданову волей-неволей пришлось рассказать девушке все. Потому что позвонила Тирувилеиядаль именно в тот час, когда Ивор и Мириам разглядывали выданное инком изображение Ствола в разрезе.

Ивор поднес к глазам руку с браслетом видео, и над матово-черным квадратиком развернулся крошечный объем передачи: на Жданова глянула рыжеволосая голова вербовщицы Игрока.

– Вы приняли решение, господин Жданов?

– Еще нет, – сказал застигнутый врасплох Ивор.

– Боюсь, вы переоцениваете свое значение. – Красавица Тирувилеиядаль превратилась в мужчину с птичьим лицом. – Я позвоню завтра. Будьте добры ответить «да» или «нет».

– Я не переоцениваю своего значения, – разозлился Ивор, – но не люблю, когда давят на психику!

– Это еще не давление, – очаровательно улыбнулась Тирувилеиядаль, и объем передачи свернулся в лучик, погас.

– Кто это был? – с сомнением посмотрела Мириам на помрачневшего Ивора. – И что ей было от тебя нужно?

Ивор провел ладонью по щеке, поколебался немного и рассказал девушке о своей встрече с посланницей Игрока.

– Как интересно! – воскликнула Мириам, когда он закончил. – Неужели откажешься?

– Ты не понимаешь, – хмуро сказал Ивор. – Она не сказала, на стороне какого Игрока мне предложено играть. А если за того, кто замахнулся на свертку нашей Ветви?

Радостное оживление на лице Мириам уступило место задумчивости.

– Ты прав, я не подумала. Так спроси у нее, когда она позвонит в следующий раз.

– Вряд ли она скажет правду. История учит, что вербовщики обычно не отличаются честностью и щепетильностью. Может быть, стоит посоветоваться с твоим отцом?

– Конечно, – с готовностью поддержала его девушка, – он не откажет и никогда не ошибается. Только не проговорись о наших планах. А пока его нет, давай прикинем, что нам нужно для похода.

– Ты хочешь идти... вдвоем?

– А тебе еще кто-то нужен? – с потрясающим простодушием спросила Мириам, выгнув бровь. – Вспомни своих родителей, испытавших множество бед, но не разлучавшихся ни при каких обстоятельствах. Вспомни хроноскитальцев из нижних Ветвей – Ивана Кострова и Таю Былинкину. Они вообще долгое время путешествовали по Стволу вдвоем.

– Да я не возражаю, – пробормотал Ивор, отдавая инициативу в руки девушки. – Просто прикидываю, справимся ли мы... я ведь не профессионал по выживанию... а с группой спецназа было бы легче дойти до цели...

– Ты скрытый паранорм, только еще не знаешь этого. Иначе тебе не сделали бы предложение вступить в Игру. А профессионалами по выживанию в экстремальных условиях и мастерами по рукопашному бою не рождаются, а становятся. Научись. Я тебя научу. Меня отец с детства тренирует. Согласен?

– Куда же я денусь? – невольно улыбнулся Ивор.

– Тогда продолжаем подготовку. Я считаю, что в первую очередь нам нужен дриммер. О нем мы поговорим позже. Затем нам понадобится аппаратура пси-веллинга для идентификации личности и пеленгации твоего отца. Такая наверняка имеется в крупнейших медицинских пси-клиниках и в медцентре УАСС. Думаю, мы сможем достать портативный экземпляр. Кроме того, нам нужны транш-рации для связи, уники типа «кокос», оружие, НЗ и парочка витсов. Что еще?

Ивор покачал головой, хмыкнул.

– Ты, однако, размахнулась! Да кто ж нам все это даст за просто так?

– Мы и спрашивать никого не будем. Веллингер попытаемся достать в центре Управления, где у меня есть приятель. Кроме того, я знаю код бункера запасной базы СБ на Венере, которая использовалась в прошлой Игре, там и возьмем все, что нам нужно.

– Разве база не охраняется? И откуда тебе известен код доступа?

– Я же тебе говорю: эта база осталась еще с прошлой Игры, она секретная, готовилась как схрон для безопасников, воюющих с эмиссарами «хронохирургов». Отец показывал ее мне, когда я была еще маленькая.

– Сдаюсь. – Ивор поднял руки вверх. – Похоже, у тебя все продумано. Осталось только добыть дриммер, пробиться с его помощью в Ствол и вытащить отца из ловушки.

Брови Мириам сдвинулись, в зеленых глазах появился опасный огонек.

– Ты смеешься? Издеваешься, да?!

– Ничуть! – поспешно возразил Ивор.

– Думаешь, если я еще учусь и вообще девчонка, то способна только в куклы играть и танцевать?

– Ничуть не бывало! Я думаю, что ты очень решительная и смелая, как амазонка. И очень красивая! – Последнее признание вырвалось у Ивора нечаянно, и он тут же пожалел об этом, но, как ни странно, на Мириам оно подействовало успокаивающе.

– То-то же, – сказала она тоном ниже. – Я не потерплю, чтобы надо мной смеялись. Вот увидишь, у нас все получится... если будешь меня слушаться. Обещаешь?

– Обещаю, – помедлив, сказал Ивор серьезно.

Она глянула на него оценивающе, насмешки не увидела, вдруг поцеловала в щеку и продолжила как ни в чем не бывало:

– Идем дальше. В принципе мы можем обойтись и без дриммера.

– То есть как? – не понял Ивор. – Как же мы тогда... – Он замолчал, с недоверием глянул на собеседницу. – Ну, конечно, кванк твоего отца! Он-то уже проходил в Ствол и обратно!

– Как ты догадался? – удивилась Мириам. – Мысли мои прочитал, что ли?

– Со мной бывает. Интуиция. Но идея, по-моему, неплохая. Беда только в том, что мы не знаем, когда здесь снова появится кванк отца и даст ли он нам дриммер. А время не ждет.

– Черт, ты снова прав! Надо думать. Может быть, у отца есть связь со своими кванками из других Ветвей?

– Вряд ли он скажет. Хотя спросить, конечно, можно.

– Кажется, он уже пришел. – Мириам уловила перемигивание огней на панели домашнего. – Пап, это ты?

– Я, – раздался негромкий голос Ромашина по системе домашнего интеркома. – Ты одна?

– С Ивором. Можно, мы к тебе зайдём? Пообщаться надо.

– Что-то случилось?

– Есть интересные новости.

– Через пару минут.

– А мы пока кофеём побалуемся, – вскочила со своего стула Мириам, чтобы принести кофейный прибор.

Через десять минут Ромашин принял делегацию в своем кабинете, превратив его в уголок Большого Американского Каньона Колорадо: казалось, площадка с креслами и вириалом инка висит над обрывом колоссального живописного ущелья, прорезавшего плато, к счастью, так и не освоенного людьми. Вся эта территория осталась заповедником геологических формообразований и местом съемок многих видеофильмов.

– Я весь внимание, – сказал скульптор, по обыкновению закинув ногу на ногу и обхватив колено пальцами обеих рук.

– Вот он начнет, – кивнула на Ивора Мириам.

Жданов смутился, но переборол себя и коротко поведал Игнату о визите посланницы Игрока.

Наступила пауза. Ромашин задумался, глядя на каньон под ногами. Молодые люди переглянулись, чувствуя растущую неловкость, будто сделали нечто предосудительное. Игнат заметил их волнение, дернул уголком губ, намечая улыбку.

– Ситуация, дети мои, весьма любопытная. Или я выдаю желаемое за действительное, или наши силы кто-то пытается разделить.

– Что ты хочешь сказать? – подняла брови Мириам.

– Существует вечная формула, изобретенная не человеком, но успешно претворяемая в жизнь во всех Ветвях Мироздания: разделяй и властвуй! Так вот нашу команду, которая начала действовать, пытаться нейтрализовать просачивание в нашу вселенную «вируса» Игрока, этот самый Игрок хочет разделить. Заставить воевать друг с другом. С одной стороны, нам это лестно: нас уважают как реальную силу, способную на равных играть с сильным соперником. С другой – эмиссары Игрока уже действуют в нашей Ветви, а мы не знаем, кто они, сколько их, что они затевают и как далеко продвинулись в своих планах.

– Почему ты считаешь, что эмиссаров Игрока много?

– Не много, но и не один. Вспомните ваш разговор с комиссаром. Он тоже хочет, чтобы молодой Жданов был с ним в одной команде, предлагая ему место опера или консультанта в своей службе.

– Но он ни словом не обмолвился об участии в Игре, – с сомнением проговорил Ивор.

– Пока не было нужды. Если бы ты согласился, объяснение состоялось бы рано или поздно. А визит госпожи Тирувилеядадь – сомневаюсь, что это женщина, – говорит о прямой заинтересованности Игрока в вербовке на свою сторону творчески мыслящих людей.

– Но ведь и Полуянов, и эта рыжая ведьма могут работать на одного и того же хозяина, – с пренебрежением сказала Мириам.

– Могут, – согласился Игнат. – Хотя ответственности за принятие решения с твоего друга это не снимает.

– Что же мне делать? – пробормотал Ивор. – Отказаться?

– Конечно, отказаться! – Мириам решительно тряхнула волосами.

– Я бы потянул время, – спокойно сказал Ромашин. – Пусть обозначатся оба и хотя бы намекнут, кому они служат. Может быть, кто-то из них все-таки связан с Игроком-джентльменом, выполняющим все правила Игры. В таком случае можно было бы и присоединиться к его команде.

– Я все же не понимаю, что они нашли во мне, – сказал Ивор, виновато покосившись на Мириам.

Та открыла рот, но ее опередил отец:

– Мама тебе ничего не рассказывала?

– О чем?

– О твоих врожденных способностях.

– Н-нет... как будто нет... не помню, если честно.

– Поговори с ней, возможно, узнаешь кое-что интересное для себя. А пока, милые мои, выметайтесь-ка отсюда, мне надо поработать. Держите меня в курсе событий.

Молодые люди вышли из кабинета.

– Что он хотел сказать? – опомнился Ивор.

– То, что ты себя плохо знаешь.

– Но мама никогда мне ничего не говорила о каких-то там способностях... и отец тоже... и вообще я не понимаю, о чем идет речь!

Мириам заговорщицки подмигнула ему, потащила за собой и уже в своей комнате проговорила:

– Во-первых, ты просто не замечаешь своих умений. Я уже не раз удивлялась, когда ты отвечал мне на вопросы, которые я не задавала.

– Что же, по-твоему, я читаю мысли? – скептически хмыкнул Ивор.

– Не читаешь, но интуитивно схватываешь, чувствуешь ситуацию. Ты и моих друзей поразил, когда мы играли в теннис, перехватывая их удары в самый нужный момент. А ведь Боб и Саша – мастера. И во-вторых, я случайно слышала разговор отца с твоей мамой, и он сказал, что ты – потенциальный оператор.

– Что еще за оператор?

– Думаю, это нечто сродни экстрасенсу с выходом на магическое оперирование.

– Значит, мне осталось только вывернуть себя наизнанку и выяснить, что я умею? – улыбнулся Ивор, не придавая особого значения словам девушки.

– Я в это верю! – серьезно ответила Мириам. – Поговори с мамой, может, она знает, как привести тебя в состояние инсайта. А пока что вернемся к нашим баранам. Я сейчас... – Она не договорила.

Снова запиликал вызов видео Ивора.

На этот раз позвонил Федор Полуянов.

– Жданов, ты где находишься?

Ивор и Мириам переглянулись.

– Я скоро буду дома, – уклончиво ответил молодой человек.

– Ничего не хочешь мне сообщить?

– О чем? – Ивор сделал удивленный вид.

– Например, о встрече с красивой рыжеволосой женщиной.

– Откуда вы знаете? – пробормотал Ивор.

– Я обязан знать все. Жду тебя в четырнадцать по среднесолнечному в Управлении. Заодно поговорим и о твоей работе в отделе. Пора определяться.

Изображение головы комиссара погасло.

Молодые люди молча смотрели друг на друга.

– Мне это категорически не нравится, – сказала Мириам задумчиво. – Судя по всему, за тобой следят работники комиссара, иначе трудно объяснить его информированность о том, кто тебя посещает.

– Я бы заметил...

– Существуют эквидистантные методы слежки, которые практически невозможно обнаружить.

– Откуда ты знаешь?

– Ты забываешь, что я дочь бывшего комиссара. Я много чего знаю и умею. Вот что: время у нас еще есть до встречи с Полуяновым, давай-ка смотаемся на базу, обеспечим себе экипировку, а уж потом пойдем в Управление. Идет?

– Вместе?

– Более удобного момента не придумаешь. Комиссар будет уверен в своей неуязвимости, расслабится, а мы его прижмем и заставим отдать дриммер.

– Так он нас и послушается.

– Ты меня мало знаешь, – подбоченясь, сказала Мириам. – Когда необходимо, я могу быть очень-очень убедительной.

– Хорошо, – согласился Ивор ценой потери душевного равновесия. – Летим на базу.

Девушка подбежала к нему и поцеловала.

Больше он не колебался.

* * *

Игнат слышал весь разговор младшего Жданова с дочерью. Когда они тихонько, не прощаясь, покинули дом, он вызвал по транш-линии особый отдел контрразведки. Виом связи развернулся световым веером и протаял в глубину, открывая вход в тесное помещение с чешуйчатыми стенами и коконом инк-управления. В коконе сидел светловолосый мужчина с угрюмоватым лицом, на котором выделялись крупные губы, крупный же нос и холодные колющие серые глаза. Это был начальник особого отдела секунд-майор Клыков.

– Они направились на Венеру, в район гор Максвелла, восточный внутренний склон кратера Клеопатра.

– На базу ОСС-11, – уточнил Клыков низким голосом.

– Понаблюдайте за этим районом. Мало ли что случится. Боюсь, Жданова ведут.

Майор наклонился вперед, коснулся огонька на «кактусе» вириала, на несколько мгновений замер: разговаривал с кем-то в пси-диапазоне. Окончив разговор, глянул на Ромашина.

– Группа пошла.

– Чья?

– Тео аль-Валида бин-Талала.

– Тогда все в порядке.

– Жданов знает о наших интересах?

– Миа его подготавливает, но он еще сырой, не созрел. Хотя решительности должно хватить.

– Жаль, что он не профессионал по выживанию.

Ромашин усмехнулся.

– Профи спецназа у нас достаточно, нужен именно такой человек – интуиция, порыв и вдохновение. Остальное приложится.

Игнат не знал, что почти дословно повторил речь курьера Игрока в адрес Ивора Жданова.

– Ты прав, – после недолгой паузы сказал Клыкков. – Но именно поэтому ему нужна спецхрана. Твоей дочери будет недостаточно, случись что серьезное.

– Ты не знаешь моей дочери, – дернул уголком губ Ромашин. – Хотя группу на всякий случай подготовь.

– По варианту «Аргус»?

– По варианту ВВУ⁹ «Шторм».

– Слушаюсь, – кивнул начальник особого отдела, не показав, что удивлен масштабами предполагавшейся функционально ориентированной операции.

– Работай и звони, как пройдут маневры. Кто у нас сегодня следит за комиссаром?

– Пархоменко.

– Пусть не вмешивается, что бы ни произошло.

– Передам. – Клыкков поколебался немного, но все же добавил: – Можно вопрос?

– Валяй.

– Тебе не кажется, что парень слишком молод для такого дела?

– Это хорошо, что он молод и неопытен. Никто из наших врагов не будет брать его в расчет.

– Понял. Может быть. Еще вопрос, не относящийся к делу?

– Задавай.

– Зачем Творцу, реализовавшему Древо Времен, Игры на выживание? Почему он сталкивает лбами целые системы цивилизаций?

Ромашин покачал головой.

– Похоже, Ваня, ты начитался Златкова и заболел, раз задаешь такие глубокие философские вопросы. Во-первых, Творец никого не сталкивает лбами, так как не он – организатор Игр, а его ученик. Как бы кто его ни называл. Во-вторых, ты не дочитал труды Атанаса, в последнем из них – об аспектах нового мировоззрения – говорится, что Игра – это просто выражение процесса усложнения и совершенствования Древа Времен.

– А мне кажется, каждая Игра только сокращает варианты развертки Ветвей. Хотя теоретик я слабый...

– Зато критик сильный. Работай и думай, это полезно. Кстати, возможно, ты прав, и начавшаяся Игра действительно направлена на свертку многих Ветвей. До связи.

Биом свернулся в нить, но тут же развернулся снова. На Ромашина взглянули яркие зеленые глаза Ясены Ждановой, матери Ивора.

– Что-нибудь с сыном?! – встревожилась женщина.

– Пока ничего серьезного, – ответил Ромашин. – Имеется определенная стадия романа с одной молодой особой.

– То есть с твоей дочерью, – покачала жена Павла Жданова. – Это можно было бы приветствовать, не знай я нрав твоей Миа. Она всегда нравилась мне независимостью суждений, однако иногда она становится слишком самостоятельной и увлеченной.

– Согласен, это далеко не лучшие ее качества, – хмыкнул Игнат. – Порой она бывает слишком независимой, что вредит ей самой. Но уверяю тебя, сына твоего она в обиду не даст.

– В ней течет кровь нашего рода, всегда отличавшегося свободолобием и независимостью. Я в молодости была не менее увлекающейся натурой, да и твоя Ярина тоже. Где она, кстати? Давно не видела.

– Она пытается запустить на Марсе пивоваренный завод и сутками сидит в Зурбагане. Думаю, объявится не сегодня-завтра.

– Ты отпускаешь ее одну?

⁹ ВВУ – внезапно возникшая угроза, императив службы безопасности.

– А что с ней делается? Марс – не центр Галактики. Я звоню тебе по более серьезному поводу. Хочу посоветоваться и поразмышлять о походе Павла.

– Я жалею, что не пошла с ним, – пригорюнилась Ясена. – У меня были определенные сомнения по поводу планов похода, но интуиции не хватило.

– Не переживай, вытянем мы твоего Павла. Он, к счастью, не один, а с Атанасом. Итак, начнем с базовых позиций. Двадцать лет назад, спустя пять лет после окончания прошлой Игры, началась следующая. Появились новые Игроки, о которых мы почти ничего не знаем, кроме того, что сообщил Посредник. Один представляет собой форму жизни на основе биоядерных реакций, то есть реакций так называемого «холодного» термоядерного синтеза, не имеющую аналогов на Земле и вообще в нашей Ветви. По сути, это «жидкие кристаллы со спонтанно нарушаемой симметрией», способные принимать любую геометрическую форму, кроме остроугольной.

– Костров в своей лаборатории создал нечто подобное – удивительная субстанция! Уже есть предложения перевести всю нашу промышленность на создание псевдоживой текучей техники на основе биоядерных технологий.

– Если нет принципиальных возражений, почему бы и нет? Далее. Второй Игрок представляет собой – опять же со слов Посредника – разумную фитоструктуру. Представить трудно, но можно. Это так называемый «медленный объемный разум на основе систем флоры». Данного Игрока мы так и назвали – Мера, по первым буквам слов «медленный разум», в отличие от второго, имя которому – Палач – предложил сам Посредник. Очень символичное имя, надо признаться, весьма многообещающее.

– Если не сказать больше. Боюсь, Посредник не дал нам полного пакета информации о цели Палача и вообще о состоянии Игры.

– Он сказал только, что Палач побеждает, а его действия напрямую затрагивают нашу Ветвь.

– И Ветви многих наших кванков. Может быть, положение еще хуже, и затронут не только наш Куст Ветвей, но и почти все Древо?

– Эта мысль приходит ко мне все чаще, – признался Ромашин, – а посоветоваться не с кем. Златков, к сожалению, ушел с Павлом. Я был против, но Федор настоял на том, чтобы он вошел в команду. Итак, Посредник уговорил Павла подключиться к Игре в качестве независимого судебного исполнителя, для чего необходимо создать кластер Ждановых, то есть объединить всех Павлов во всех Ветвях в *стаю*. И первый же выход за пределы нашей Ветви привел отряд в ловушку! Почему? Что не сообщил Посредник? Чего не учли мы сами?

– Если бы я знала ответы на все вопросы, мы бы не ошибались. Единственное, что приходит на ум, – это изменение масштабов. Цена Игры такова, что вербовщики Игроков начинают искать союзников и исполнителей все активней, а также устраняют с пути всех, кто может помешать.

– Мне нужен доступ к Стратегу Управления или Мыслителю ИВКа, но так, чтобы не знал Федор. Попробую с их помощью проанализировать ситуацию.

– Я дам заказ якобы от ВКС или лучше от СЭКОНа, – пообещала Ясена; речь шла о доступе к большим инк-системам.

– С Федором давно общалась? Что он говорит?

– Он делает вид, что развил бурную деятельность по розыску Павла и якобы собирается запустить в Ствол еще один спецотряд.

– Это интересно. Мы сможем внедрить в отряд своего человека?

– Постараемся. Ваня Клыков вроде бы является одним из кандидатов.

– Тогда у меня все. – Ромашин поколебался несколько мгновений, но о деятельности сына Ясене так и не сказал. Ей и без того хватало переживаний за мужа.

Глава 7

Первые достоверные сведения об условиях на поверхности Венеры были получены еще в конце шестидесятых годов¹⁰ двадцатого века, когда на планету один за другим посыпались зонды и спускаемые аппараты, запущенные Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Уже тогда стало известно, что атмосфера Венеры почти целиком состоит из углекислого газа, температура воздуха у поверхности близка к четыремстам шестидесяти градусам по Цельсию, а давление достигает девяноста атмосфер. Кроме того, было установлено, что толщина облачного покрова планеты составляет от тридцати до сорока километров, причем верхний слой облаков состоит из капелек концентрированной серной кислоты. Таким образом, освещенность поверхности Венеры оказалась примерно такой же, как в пасмурный день на Земле. Цветовая же палитра венерианского пейзажа была близка средневолновому диапазону видимой части спектра: здесь преобладали зелено-коричневые тона, так как синие и голубые лучи поглощались необычайно плотной атмосферой.

Впоследствии люди узнали, что на Венере случаются грозы намного мощнее земных и что ураганные ветры, постоянно дующие со скоростью до ста метров в секунду на высоте верхней границы облачного слоя, сменяются у поверхности легким «ласковым» дуновением около одного метра в секунду.

Первый пилотируемый полет на Венеру состоялся в две тысячи двадцатом году и едва не закончился трагически. Спускаемый аппарат отнесло от предполагаемого места посадки на двести с лишним километров, и сел он в ущелье, откуда не смог потом взлететь. Пришлось сажать второй модуль и забирать экипаж первого.

Однако и в начале двадцать четвертого века, несмотря на создание сети мгновенного транспорта (метро) и успешное освоение галактических просторов, эта планета оставалась почти не тронутой из-за своих специфичных условий. К тому же на ней была обнаружена жизнь, хотя и весьма своеобразная – на основе кристаллических соединений углерода. Образую причудливые фестоны, арки, башенки, ротонды, грибообразные наросты, «живые» кристаллы графита, гексавита и алмаза селились в наиболее жарких районах Венеры, и открытие сверкающих «городов» стало сенсацией, хотя держалась эта сенсация недолго – до второй экспедиции на планету. И все же естественные творения местной природы были великолепны. Их текучими переливами можно было любоваться бесконечно, как языками огня в костре или текущей водой. А сохранилась эта форма жизни на Венере лишь благодаря особенности всего живого: стоило отделить от тела «кристаллической грибницы» хотя бы один кристалл, как он через некоторое время распадался в черный графитовый порошок. Именно поэтому люди и не истребили кристаллидов Венеры ради использования их тел в ювелирной промышленности, для украшений, как они это сделали на Земле с моллюсками-жемчужницами.

Секретная база службы безопасности, о которой говорила Мириам, была оборудована в пещере на восточном внутреннем склоне кратера Клеопатры. Кратер этот диаметром девятью пятью километрами (на самом деле он двойной, внешний – диаметром девятью пятью, и внутренний – пятьдесят пять) располагался на плато Лакшми, самой высокой части гор Максвелла, и был окружен почти параллельными хребтами-складками, отстоящими друг от друга на пять-пятнадцать километров и тянувшимися на сотни километров. Больше всего этот бороздчатый рельеф напоминал морщинистую шкуру моржа, каковое сравнение сделал Ивор, стоя на вершине пика Максвелла и с высоты одиннадцати с половиной километров обозревая горную страну.

¹⁰ В 1967 году поверхности Венеры достиг спускаемый аппарат советской межпланетной станции «Венера-4».

Мириам стояла рядом в таком же «кокосе», что и он, похожая на удивительное существо с конусообразной головой и блестящей шкурой (в спецкостюмах типа «кокос» можно было купаться в солнечной фотосфере или разгуливать по ледяным равнинам Плутона), и с таким же романтическим восторгом созерцала дикий пейзаж Венеры.

Оказались они на вершине самой высокой горы Земли Иштар, которой принадлежали и горы Максвелла, и плато Лакшми, лишь по прихоти Мириам, которая захотела опробовать «кокосы», найденные на базе. Но до этого молодые разведчики несколько часов провели в отсеках базы, прибыв сюда по «замороженной» линии метро. Код выхода, известный Мириам, оказался действующим, и прямо из кабины метро университета в Минске они вышли в отсек метро базы.

Инк базы встретил их неласково, огорошив вопросом: есть ли у них доступ степени «А»? Такого доступа ни у Ивора, ни у Мириам не было, и победного шествия по всем помещениям базы, запрятанной в толще базальтовых пород кратера, не получилось. Инк разрешил им лишь посетить зону отдыха и отсек внешнего выхода, где они обнаружили «кокосы». Но ни на оружейный склад, ни в ангар со спецоборудованием гости базы не попали, и надежды Мириам на получение оружия и аппаратуры пси-идентификации не оправдались. Им достались только «универсалы», входящие в стандартный комплект для выхода наружу, блоки НЗ и аптечки.

– Что ж, с паршивой овцы хоть шерсти клок, – не упала духом Мириам. – Придется добывать оружие и спецуху в другом месте.

Ивор с интересом посмотрел на девушку, знавшую словечки из жаргона тревожных служб. «Спецуха» на этом жаргоне означала аппаратуру специального назначения.

Побродив по доступным помещениям базы, оценив комфорт зоны отдыха: жилые модули были довольно большими и имели все необходимое для отдыха и удовольствия, вплоть до мини-баров, игровых зон и шикарных пневмодиванов (таких уже не делали), – гости посидели в одном из модулей, пытаясь представить, кто здесь жил, потом облачились в «кокосы» и вышли наружу через тамбур-вход.

Короткий коридор привел их к металлической на вид стене, которая оказалась видеофантомом. Вход в пещеру, ведущую к базе, был замаскирован генератором динго¹¹, создающим видимость твердого скалистого выступа. Отыскать вход со стороны, даже имея локатор, в склоне кратера со множеством каверн и пещер было нелегко.

Выйдя из скалы, как привидения, молодые люди включили антигравы и, поднявшись над кратером, некоторое время созерцали зелено-оранжево-коричневые горы и желтое дно гигантской астроблемы, состоящей из двух ударных кратеров. Потом поднялись выше и устроились на вершине пика Максвелла, с которой можно было увидеть чуть ли не всю поверхность Венеры: из-за очень плотной атмосферы рефракция была чудовищно сильной.

Вид с вершины горы оказался настолько великолепным, что Ивор не удержался и тихо и торжественно прочитал вслух:

Орлом раскинув крылья, с высоты
Я вниз глядел, на жизнь мою, что ныне
Песчинкою затеряна в пустыне.
И красота, низвергнутая в ад,
Звала меня! Звала меня назад!

– Как здорово! – воскликнула Мириам. – Прямо под настроение! Это ты прямо сейчас сочинил?

– Это не я, – смутился Ивор. – Старинный поэт.

¹¹ Динго – аппарат динамической голографии.

– Какой? Я как будто неплохо знаю классику.

– Эдгар По.

– Да, конечно, вспомнила, я читала По в юности. «Ворон» – его стихотворение?

– Его. – Ивор вдруг почувствовал смутное беспокойство, оглядел зеленовато-серый клочкастый небосвод, близко-далекий горизонт (впечатление было такое, будто они стоят в центре гигантской чаши с поднимающимися вверх морщинистыми краями).

Нельзя было сказать, что Венера пустынна и безлюдна, все-таки на ее поверхности люди успели построить десятка три купольных городов и станций, десятка два шахт, карьеры и заводы по производству силикатов и углепластиков, но местность вокруг пика Максвелла и вообще плато Лакшми была слишком пересеченной и дикой, ближайший город был расположен в двухстах с лишним километрах от кратера Клеопатры, за хребтами гор Акны, и все же Ивору показалось, что они с Мириам здесь не одни.

– Миа, давай уйдем отсюда, – пробормотал он.

К его удивлению, девушка отреагировала на его слова без обычного шутиwego подначивания, сразу оценив состояние молодого человека.

– Ты что-то увидел? – быстро спросила она.

– Не увидел, но... такое впечатление, что на нас смотрят по крайней мере с двух сторон!

– Тогда сматываемся домой!

Мириам сорвалась с обрыва и стремительно понеслась вниз, к восточному склону кратера Клеопатры. Ивор устремился за ней, выписывая крутую дугу пикирования. И тотчас же за ними хищно кинулся почти невидимый в сумеречном свете венерианского дня треугольник когга, появившийся словно из воздуха.

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

До спасительного скального выступа, прикрывавшего входной коридор базы, оставалось всего две-три сотни метров, когда когг открыл стрельбу.

Мириам, летевшая в сотне метров впереди, продолжала мчаться с прежней скоростью, но в момент залпа внезапно сделала петлю и открыла огонь по преследователям из «универсала». Ивор же поступил точно так же, доверившись интуиции, – отвернул влево, и огненная трасса прошла мимо. К счастью, преследователи применили плазменную пушку, а не «глюк» или антимаг. В противном случае шансов спастись у беглецов бы не было. В данной ситуации, несмотря на то что огонь вел инк аппарата, залп не достиг цели, а второго не последовало.

Во-первых, световая очередь «универсала» – Мириам применила лазерную насадку – пришла по кабине когга, ослепив пилота и сбив прицел инка. Во-вторых, откуда-то возник еще один когг и открыл по первому огонь из более серьезного оружия. Трасса неярких штрихов – разряд «глюка» – перечеркнула треугольник агрессора, и тот, задымив, отвалил в сторону.

– Не отвлекайся! – крикнула Мириам замешкавшемуся Ивору.

Жданов метнулся за ней, и молодые люди, проскочив коричнево-желтый бок скалы, ввалились в пещеру.

– Никогда себе не прощу! – бросила в сердцах девушка, подталкивая Ивора в спину. – Можно было предвидеть, что нас вычислят!

– Кто? – тупо спросил Ивор.

– Дед Пыхто! Ты медлишь с ответом вербовщику Игрока, этого достаточно, чтобы на тебя оказали более серьезное давление или вообще ликвидировали для предупреждения утечки информации.

– А кто нам помог?

– Узнаем. Пока это не имеет значения. Надо убираться отсюда. Хорошо, что твоя интуиция не спит, даже когда ты сам спишь.

– Я не сплю, – запротестовал Ивор.

– Это я образно.

Люк в тамбур базы открылся. Первой в него влетела Мириам, за ней Ивор. Люк за его спиной встал на место, отодвинулась ребристая пластина входа в технический холл базы. И тотчас же Ивор ощутил дуновение холодного ветра угрозы.

– Неходи туда! – крикнул он.

Мириам по инерции сделала шаг вперед и... выстрелила!

Ее выстрел оказался неожиданным не только для Ивора, – девушка действовала как бывалый телохранитель! – но и для того, кто ждал их в холле. Она опередила его буквально на долю секунды, сбив ему прицел. Ответный выстрел лишь задел ее плечо, срезав турель с «универсалом».

Мириам развернуло на девяносто градусов и отбросило назад, так что Ивору стали видны холл и две зеркально бликующие фигуры, одна из которых согнулась пополам, а вторая двигалась к люку. Тогда он выстрелил сам и одновременно мысленно вскричал, обращаясь к инку: «Закрой тамбур!»

И люк закрылся, отрезая холл с неизвестными от тамбура.

Ивор бросился к присевшей на корточки девушке.

– Жива?! Не ранена?!

– Вот гады! – с неожиданным хладнокровием проговорила она. – Засаду нам устроили! Ну, вы у меня попляшете!

Ивор взял ее под локоть, чтобы помочь встать, но она высвободилась и легко вскочила сама.

– Не волнуйся, со мной все в порядке. Этот гад стрелял из «дракона», а «кокос» пульей пробить трудно. Как тебе удалось закрыть люк?

– Сам не знаю, – пробормотал Ивор. – По-моему, я крикнул инку, чтобы он загерметизировал тамбур.

– Не слышала я никакого крика... да и не слушается инк базы таких приказов, исходящих не от полномочного персонала. Ладно, потом разберемся, давай выбираться из ловушки.

– А если на выходе нас ждут те стрелки, из когга?

– Когг подбит, я видела, как он задымил и отвалил. Но не уверена, что это сделали наши друзья. Эх, нам бы «глюк»! Или по крайней мере «шукру»! Я бы им показала, где раки зимуют!

– Ты ведешь себя, как заправский безопасник, – хмыкнул Ивор, с уважением и недоверием глядя на девушку. – Слово всю жизнь сражаешься с террористами.

– Не сражаюсь, но постоять за себя смогу. И за тебя тоже. Ты просто мало меня знаешь. Папа с трех лет воспитывал меня как мальчишку, я даже в школу выживания ходила... – Мириам замолчала, прислушиваясь к чему-то. – Уходим, а то они откроют люк и перестреляют нас, как куропаток.

В следующее мгновение люк собрался гармошкой, открывая вход.

– К стене! – скомандовала девушка.

Ивор послушно отпрыгнул в угол тамбура, ловя нашлемным прицелом отверстие люка, ожидая выстрела оттуда. Мириам сделала то же самое, вжавшись в стену с другой стороны. Но никто не стрелял и в тамбур не врывался. Прошла секунда, вторая, третья...

– Эй, путешественники, – донесся из холла чей-то гортанный энергичный голос, – можете выходить. Здесь уже тихо и спокойно.

– Кто это? – прошептал Ивор.

– Тео? – неуверенно проговорила Мириам и повторила вопрос через звуковую мембрану «кокоса».

– Совершенно верно, сеньорита, – отозвался обладатель гортанного голоса. – Тео аль-Валид собственной персоной.

– Наши! – взвизгнула девушка, бросаясь к люку и проскальзывая в отверстие.

Ивор степенно вошел следом.

На матово-сером полу холла он увидел два тела в бликующих зеркальных балахонах и валяющееся оружие: устрашающего вида карабин и «универсал». Чуть поодаль стояли два парня в таких же костюмах, но с откинутыми шлемами. Один был черноволос и смуглолиц, второй – пониже ростом – рыжий, с белыми ресницами. Мириам подбежала к черноволосому, на ходу свертывая конус шлема (собирался он складками-пластинками к плечам), и протянула ему руку.

– Привет, ротмистр. Вот уж кого не чаяла увидеть. Какими путями вас сюда занесло?

– Стреляли, – улыбнулся смуглолицый, переводя глаза на Ивора. – Это твой друг?

– Ивор Жданов, – представила спутника девушка, – поэт и квистор и, естественно, мой друг. Мы тут слегка похозяйничали...

– Да уж, слегка. Инк базы уже пожаловался нам на ваши приказы, но ты же знаешь, он не подчиняется даже мне. Тебе же придется объясняться с отцом.

– Ничего не поделаешь, придется, – вздохнула с унылым видом Мириам. – Он мне устроит взбучку. А кто это нас тут ждал? Вы их... убили?

Тео аль-Валид перевел взгляд на тела в скафандрах.

– Одного обездвигили. – Он спрятал в захват на поясе гипноиндуктор «слон». – Второй ранен, сам потерял сознание. Ты стреляла?

– Так получилось.

– Молодец, точный выстрел. Не зря я тебя тренировал.

Мириам оглянулась на Ивора.

– Тео – мой инструктор по стрельбе. А это Дима Лежич, мой тренер по русбою.

Рыжий Дима исподлобья глянул на Ивора, вдруг улыбнулся и протянул ему широкую ладонь.

– Очень приятно.

– Взаимно, – вежливо сказал Ивор.

В холл из коридора, ведущего в недра базы, вышел еще один мужчина в «кокосе», огромный, как шкаф, с мрачноватым бугристым лицом и черными глазами, седой.

– Привет, непоседа. – Он перевел взгляд на Ивора. – Здравствуйте, Ивор Жданов.

– Это Иван Клыков, – несколько ступевалась Мириам, – секунд-майор контрразведки.

Клыков мельком взглянул на тела людей, устроивших засаду.

– Их было четверо, – сказал Тео аль-Валид. – Двое здесь, двое сбежали.

– Общайте все отсеки на всякий случай. И смените код входа метро.

Тео подтянулся, кивнул.

Гигант еще раз глянул на Ивора и вышел.

– Мне приказано доставить вас домой, – продолжал командир группы, – но вы и сами доберетесь. Только придется сдать оружие.

Мириам сдвинула брови.

– Тео, не напрягай голосовые связки. Спасибо тебе, конечно, за помощь, и все такое прочее, но «универсал» я не отдам. Он мне может пригодиться в любой момент. Ты же видишь, что происходит. За Ждановым чуть ли не охота началась.

– Отец будет недоволен.

– С папенькой я как-нибудь договорюсь.

Тео перевел задумчивый взгляд с лица Мириам на Ивора и обратно, почесал кончик носа и кивнул.

– Что ж, тебе видней, я умываю руки. Но помните: вас здесь не было.

– Спасибо, ротмистр! – Мириам хлопнула ладонью в перчатке по его подставленной ладони, махнула рукой Ивору. – Поехали, Жданов, – и первой направилась к выходу из холла.

Мужчины посмотрели ей вслед.

– Очень решительная молодая особа, – осклабился рыжий Дима. – С ней не соскучишься.

– Ангел с «универсалом», – добавил Тео аль-Валид с непонятными интонациями, покосившись на Ивора. – Вы давно с ней знакомы?

– Четыре дня, – честно признался Ивор.

– Тогда у вас все еще впереди.

Ивор непонимающе посмотрел на безопасника и поспешил на зов Мириам, так и не уяснив, что имел в виду Тео.

Через несколько минут они были на Земле.

* * *

Происшествие на венерианской базе службы безопасности не остудило намерения Мириам добиться своего. Она лишь с большим упорством стала готовиться к прорыву в Ствол и подключила к решению этой задачи всех своих знакомых в тревожных службах, кому доверяла так же безоговорочно, как и отцу. Она же настояла и на том, чтобы Ивор поговорил со своей мамой о визите посланницы Игрока (не говоря ей о сражении на Венере, чтобы не волновать лишний раз) и полюбопытствовал, как бы невзначай, чем он мог заинтересовать самого Игрока.

Разговор с мамой Ясеной получился действительно интересный, хотя убедить сына в его экстраспособностях, якобы просчитанных еще до рождения медиками родильного дома, ей не удалось.

– Почему-то я вовсе не чувствую себя исключительной личностью, – сказал Ивор, когда они уже заканчивали часовую беседу.

– Это меня радует, – сказала Мириам, почти не принимавшая участия в разговоре: она пришла уже в конце, когда Ивор выяснил практически все подробности своего рождения и воспитания. – Ваш сын – просто чудо, но слишком открыт и непосредствен. Я бы хотела немного позаниматься его воспитанием.

Ясена с некоторым сомнением посмотрела на Мириам, державшуюся подчеркнуто строго и серьезно.

– Что ж, возьми, девочка. Надеюсь, это поможет ему оценить мир с другой стороны.

– И все же ты не объяснила мне, что за программа вложена в меня, – упрямо заявил Ивор. – Чего мне бояться или чему радоваться.

– Не программа, – мягко возразила Ясена, – а возможности. И тебе надо очень постараться, чтобы их реализовать.

– Но я их не вижу! Не чувствую!

– Их надо разбудить.

– Как?!

– В принципе это могут сделать специалисты Центра нетрадиционной медицины у нас в России или в Мексике, там у меня есть друзья. Но мы с отцом считаем, что твой пси-резерв должен проснуться в естественных условиях, без технологической помощи.

– Почему же он до сих пор не проснулся?

– Ты не готов, сынок, – мягко проговорила Ясена. – Большие возможности – это прежде всего большая ответственность, твердая воля, способность предвидения каждого действия, великая доброта, наконец.

– Что же, по-твоему, я злой? – нахмурился Ивор.

– Ты добрый, обладаешь хорошей интуицией и даже бываешь тверд в намерениях, хотя отец называет это твое качество упрямством, но ответственности тебе еще не хватает. А природа не ошибается. Если она не дает прямого выхода к высотам знания и деяния, значит, так надо. Потерпи немного.

– Мы потерпим, – пообещала Мириам. – Я беру над ним шефство, если не возражаете. Он обязательно вырастет над собой и станет великим человеком.

– Не сомневаюсь, – проговорила Ясена, пряча сомнения на дне глаз. – Только не забывайте: чтобы добиться успеха в этом мире, одного стремления к цели недостаточно, нужны еще хорошие манеры.

Ивор с любопытством посмотрел на мать, повторившую известное высказывание Вольтера, но в слегка подправленном виде¹². Она не была уверена в правильности подхода сына к проблеме и сомневалась в его выборе. Но она была матерью и имела право на сомнения.

Он перевел взгляд на Мириам. По ее виду нельзя было судить, поняла ли она намек мамы, однако Ивор почему-то был уверен, что поняла. В уме Мириам отказать было невозможно, как, впрочем, в красоте и решительности.

Они попрощались с Ясеной, выслушали ее напутствие тщательней продумывать каждый свой шаг, и Мириам в кабине такси пожаловалась спутнику:

– Я ей не понравилась. Как ты думаешь, почему? Наговорила лишнего?

– Во-первых, ты ей понравилась, – запротестовал Ивор. – Иначе она никогда бы не доверила тебе взять шефство надо мной. – Он улыбнулся. – Вообще ты меня иногда поражаешь. То ты совсем девчонка, то мастер воинских искусств, то серьезная дама-воспитательница.

– Спасибо, – фыркнула Мириам. – Серьезность – не всегда положительное качество. Как бы сказал мой папаня: серьезность – последнее прибежище заурядности. Чем ты еще меня утетишь?

– Во-вторых, мама беспокоится за меня и не хочет, чтобы я рисковал жизнью, что вполне естественно.

– Может быть. Моя мама тоже такая, хотя всегда мне все разрешала. Слушай, давай я тебя с ней познакомлю? Она сейчас на Марсе, в Зурбагане, строит какой-то завод.

– Нам же надо идти к Полуянову. Разве что потом, после встречи, если получится.

– Я совсем забыла о приглашении комиссара, – поморщилась Мириам, оглядываясь на пинасс, мчавшийся за их такси в некотором отдалении. – Летим ко мне домой, переоденемся в унику понадежней и пойдём к комиссару. Надеюсь, он расскажет правду о твоём отце и отдаст дриммер.

– А если нет?

– Что-нибудь придумаем, – беззаботно махнула рукой дочь Ромашина.

¹² Чтобы добиться успеха в этом мире, одной глупости недостаточно, к ней нужны еще хорошие манеры.

Глава 8

В здании Управления аварийно-спасательной службы Ивор бывал всего два или три раза, да и то в детстве, когда отец брал его с собой. На сей раз молодой квестор летел туда не как свободный посетитель, а как человек, не имеющий права отказаться от посещения, которому пришел официальный вызов. Впрочем, вины за собой он не чувствовал (приключение на Венере с погоней и стрельбой было инсценировано неизвестными лицами, он только защищал свою жизнь) и летел на встречу с комиссаром с легкой душой. Идея Мириам «надавить» на Полуянова казалась невыполнимой, поэтому ситуация должна была разрядиться сама собой, а о том, что они будут делать дальше, Ивор не задумывался.

Дочка Ромашина посещала Управление, в котором располагалась и служба общественной безопасности, гораздо чаще своего спутника и тоже особенно не переживала за исход встречи с комиссаром. К тому же там у нее были свои связи, друзья и приятели, которые могли помочь при необходимости.

Добирались они, однако, не воздушным транспортом, а веткой метро, код выхода которой был известен Мириам еще со времен работы отца комиссаром, поэтому полюбоваться на огромное, сложное, гармоничное, красивое здание УАСС не пришлось.

В коридорах Управления было немногочисленно, тихо, солнечно (потолки излучали натуральный дневной свет), витали приятные лесные запахи. Скоростной лифт доставил прибывших из зала метро на сто первый этаж здания, где располагался кабинет комиссара наземной службы безопасности, они вышли и остановились перед прозрачной перегородкой, за которой начинался коридор с двумя десятками дверей, ведущих в служебные модули руководителей Управления разного уровня.

В глубине прозрачного материала перегородки высветилась надпись: «Прошу прощения. Чем могу быть полезен?»

– Мы по вызову комиссара, – ответила за Ивора Мириам.

Надпись погасла, появилась другая: «Еще раз прошу прощения, мисс, но в моем формуляре стоит лишь фамилия Жданов. Вашей фамилии нет».

– А если мы вместе?

«Это исключено. Комиссар ждет Ивора Жданова».

– Обратись к нему, он разрешит.

«Уже обратился, но ответ вас не обрадует. Вам придется подождать своего спутника в уголке отдыха. Налево по коридору, пятнадцать шагов. За вами поухаживают».

– Спасибо, цербер! – сердито бросила Мириам, поглядела на Ивора. – Придется тебе выкручиваться одному. Если что не так – дай знать, я буду ждать тебя здесь до упора.

Ивор кивнул.

«Проходите, пожалуйста», – зажглись два слова в толще перегородки, и тотчас же в ней образовался прямоугольник входа.

Мириам удержала Ивора за руку, шепнула на ухо:

– Не нравится мне это. Будь внимателен!

– Буду, – пообещал Ивор, сам чувствуя легкое беспокойство, и шагнул в дверь.

В коридоре прямо из воздуха сформировался крепкий мужчина в сером униформе – фантом инка, обслуживающего зону службы безопасности.

– Идемте, я вас провожу.

Он зашагал вперед как живой человек. Ивор оглянулся на Мириам и двинулся за провожатым.

Дверь в кабинет комиссара с табличкой «Федор Полуянов. Комиссар НФСБ-2» располагалась в тупике другого коридора, перпендикулярного входному. Дверь открылась. Ивор вошел.

Рабочий модуль комиссара мало чем отличался от кабинета отца: те же янтарные стены с проступающими в глубине «пчелиными сотами» с искрами света внутри, тот же матово-черный пол, «облачный» потолок, кокон управления зоной связи, вириал инка, столик в углу с тремя креслами. Ничего лишнего, если не считать старинного плоского портрета какого-то человека на стене.

– Проходи, садись, – сказал Федор Полуянов, сидевший в коконе за полупрозрачным «лепестком». – Я сейчас освобожусь.

Ивор сел в одно из кресел, с любопытством разглядывая портрет на стене и гадая, кому он принадлежит. Волнение, поднявшееся в душе при подходе к рабочему модулю комиссара, слегка улеглось, но все же некий душевный трепет остался. Ивора не каждый день вызывали в службу общественной безопасности, и пустяками эта служба не занималась.

Кокон оперативно-компьютерной системы раскрылся как своеобразный тюльпан, из него вылез Полуянов, приглаживая волосы на висках. Достал из скрытого в стене бара бутылку тоника, отпил пару глотков и поставил обратно, не предложив гостю. У Ивора внезапно зануло под ложечкой: он только теперь уловил настроение друга отца, и оно явно находилось в миноре.

– Рассказывай, – сказал Полуянов, останавливаясь у кресла; садиться комиссар не стал. – Сиди, – остановил он попытку молодого человека встать.

– Что рассказывать? – пробормотал Жданов.

– О визите рыжеволосой дамы. – Полуянов пристально посмотрел на гостя, снова пригладил волосы на виске. – О бое на Венере в районе кратера Клеопатры.

– Нас там не было, – вырвалось у Жданова.

Брови комиссара подпрыгнули.

– Кого это – нас?

– Я слышал о перестрелке на Венере от мамы, – попытался выправить положение Ивор, – но сам в это время был с подружкой в... одном месте.

– Ты не умеешь врать, парень, – усмехнулся Полуянов. – Я знаю, что именно ты находился в горах Максвелла, к тому же не один, а с дочерью бывшего комиссара Ромашина. И именно на вас было совершено нападение, связанное, очевидно, с визитом рыжей красавицы. Кто вам помог отбить атаку?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – упрямо сдвинул брови Ивор, отводя глаза.

Полуянов вздохнул.

– Было бы лучше для нас обоих, а для твоего отца в особенности, если бы ты рассказал мне все как есть. Правду!

– Мне нечего рассказывать... и уж если говорить о правде, то вы первый должны мне рассказать правду об отце...

– Это секрет службы.

– Тогда и у меня пусть будут секреты, недоступные посторонним людям!

Полуянов хмыкнул, смерил Ивора жалостливо-насмешливым взглядом, подошел к разверстому кокону.

– Ты ошибаешься, квистор. У тебя не должно быть секретов от службы безопасности. Но у меня нет времени объяснять тебе очевидные вещи. Или ты рассказываешь все, или...

– Вы просканируете память? – криво улыбнулся Ивор.

– Ты не оставляешь мне другого выбора. – Полуянов ткнул пальцем в один из огоньков на светящейся тумбе вириала. – Басанк, зайди.

В кабинет вошел огромный, бугристый от мышц молодец в обтягивающей могучий торс камуфляжной «облипке», с ничего не выражающим лицом, с квадратной прической по моде

«хэвибрейн». Скользя равнодушным взглядом по лицу Ивора, он вытянулся перед хозяином кабинета.

– Объект отказывается сотрудничать с нами добровольно. Займись им. Но не переборщи, он нам еще понадобится.

Гигант шагнул к столику, за которым сидел Ивор.

– Пошли.

– Никуда я с вами не пойду! – возмущенно выпалил Ивор.

В следующее мгновение огромная рука схватила его за отвороты куртки и одним движением выдернула из кресла, так что он повис в воздухе, не задевая ногами пол.

– Ну? – посмотрел на него одним глазом комиссар. – Решай. Сам все расскажешь или после применения спецметодов допроса?

– Я буду жаловаться! – прохрипел Ивор, тщетно пытаясь освободиться.

Полуянов махнул рукой, и Жданов получил короткий и сильный удар в живот. Перехватило дыхание. В глазах потемнело, завертелись огненные колеса. Рот наполнился горечью. Еще через несколько мгновений он стал тонуть в тишине и темноте. Последнее, что он услышал, были слова Полуянова:

– Я же сказал – не перестарайся, болван! Он всего лишь мальчишка, простой мечтатель, а не суперагент ноль-ноль-семь...

Что-то дрогнуло в душе, реагируя на оценку «простой мечтатель» и «мальчишка». На миг словно включилось второе дыхание, и он стал видеть себя как бы со стороны. Захотелось доказать этим черствым людям, что и он чего-то стоит. Ивор дернулся в руках помощника комиссара, обжигая его взглядом, крикнул мысленно: «Отпусти!» – и тут же вслед за этим: «Миа, помоги!»

Рука Басанка разжалась, Ивор упал на пол, и ему показалось, что на голову рухнул потолок. Получивший неожиданный пси-удар от непокорного объекта, гигант в ярости ответил Ивору ударом по голове огромным кулаком. И лишь потом опомнился, с опаской глянув на взбешенного комиссара.

– Черт бы тебя побрал! – взорвался Полуянов.

– Он меня обжег чем-то...

– Взглядом, что ли? Неси его в лабораторию к Левинзону, – буркнул Полуянов, остывая, озабоченно щупая пульс Жданова. – Пусть поднимет тонус и подключит к «правдососу». Я скоро приду.

– Там его девчонка ждет.

– Пусть ждет. Через полчаса мы его выпустим, а помнить он будет лишь то, что мы ему оставим.

Басанк кивнул, подхватил безвольное тело молодого человека и вынес из кабинета.

* * *

Он плыл сквозь тьму, тьму и тьму... тишину, тишину и тишину... безвольный и безмолвный...

Затем что-то начало меняться вокруг.

Тьма, тьма... тишина, тишина...

Тьма... тишина...

Полутьма... тусклое шипение...

Полусвет... шипение...

Неяркий ровный свет, тени... шорохи...

Свет, свет... шорохи, скрипы, стук, гул, чьи-то голоса... ощущение несвободы...

Он попытался пошевелиться, но его остановил очень мягкий, тихий, раскатистый шепот:

- Не-е то-о-ро-о-пи-ись...
- Кто здесь? – замер Ивор.
- Тво-о-е-е вто-о-ро-о-е-е «я-а-а»...
- Значит, я разговариваю сам с собой?
- Про-о-и-и-зо-о-ше-ел спо-о-нта-а-нный про-о-рыв глу-у-бо-о-кой пси-и-хи-и-ки в сознание... ты находишься в измененном состоянии... при-и-выка-ай...
- Как это произошло? – Ивор напрягся и вдруг вспомнил последние события. – Меня же ударили по голове! Поэтому я попал в измененное состояние?
- Не-ет... это произошло раньше... ты начал сопротивляться на пси-уровне... и тебя ударили...
- Пора действовать! Мириам не знает, что со мной случилось. Они хотят прочистить мне мозги! Сколько времени уже прошло?
- Мы с тобой сейчас вне времени... готовься... но не суетись, сначала изучи обстановку... тебе будет нелегко привыкнуть...
- Ничего, соображу, что к чему. Начинай отсчет.
- Не спеши... десять, девять, восемь... тебя подключили к «детектору лжи», или «правдососу», как все здесь называют систему целенаправленного психофизического воздействия... семь, шесть, пять... для считывания информации в памяти и ввода ложной информации в подсознание... четыре, три... я в состоянии заблокировать эту информацию, но лучше не рисковать... два, один, ноль!..
- В глаза Ивору брызнул *реальный* свет, в уши хлынула волна звуков: пощелкивание, шаги, мелодичные звоночки, человеческие голоса, шорохи, – тело обрело плотность и вес, появились ощущения неловкости, давления, боли. Не шевелясь, Ивор осторожно огляделся.
- Он лежал полуголым в глубине саркофага из прозрачного материала с прихваченными к лодыжкам рук и лодыжками ног. На груди и на животе были прикреплены розовые кругляши присосок с иголочками съёмов, из которых били в нависшие фасетчатые щиты тоненькие лучики света. Такой же кругляш, только побольше в диаметре, торчал посреди лба Ивора, создавая ощущение холодного щупальца, высасывающего кровь из головы.
- Помещение явно принадлежало медцентру или биологической лаборатории, судя по заполняющей его аппаратуре. В нем находились четыре человека: гигант Басанк, прислонившийся плечом к двери со скучающим видом, бородатый мужчина с широкими бровями и взглядом Мефистофеля, мужчина помоложе, розовощекий и полный, и женщина с угрюмым желтоватым лицом, на котором было написано презрение ко всему на свете. Эти трое колдовали у вириала местного инка и у панели саркофага, переговариваясь между собой на узкоспециальном жаргоне ученых мужей.
- Мистика какая-то! – сказала женщина, оттопырив губу. – У него парадоксальная реакция на левый торс¹³. Либо это следы дистантной блокады, либо мотивация скрытого паранормального носителя.
- Давайте прогоним тест на подпороговой по невербальным каналам, – предложил розовощекий. – Может быть, он уже является носителем суггестивного приказа?
- Проверим, – буркнул «Мефистофель».
- Он очнулся, – сказала женщина.
- Все трое посмотрели на Ивора.
- *Освободите* меня! – раздельно сказал он.
- Троица замерла. Великан Басанк перестал чистить ногти и уставился на Ивора удивленным взглядом. В помещении стало тихо.

¹³ Имеется в виду «левозакрученное» торсионное поле.

– *Освободите* меня! – повторил Ивор, внезапно покрываясь холодным потом. Волна слабости едва не накрыла его с головой. Это была реакция организма на включение магического волеизъявления, но он этого еще не знал.

Трое работников пси-лаборатории СБ, как в сомнамбулическом сне, послушно подошли к саркофагу, отстегнули обручи на запястьях рук Жданова, начали отсоединять присоски датчиков и отключать каналы медкомбайна.

– Эй, что вы там делаете? – нахмурился Басанк; пси-приказ Ивора на него практически не подействовал.

«Мефистофель» оглянулся на него, замороженно глянул на Ивора, прислушиваясь к чему-то, глаза его стали проясняться, в них разгорелся огонек понимания и недоумения. Руки перестали отсоединять датчики и освобождать ноги Ивора из захватов.

– Всемиловитый Иезод! – прошептал он. – Этот парень нас... подчинил!

Басанк в два шага пересек помещение, отшвырнул начальника лаборатории в сторону, ударом ладони в грудь опрокинул Ивора на ложе саркофага.

– Лежать! Пеленайте его! Быстро!

Ивор посмотрел в глаза гиганта, мысленно закрыл ему рот и внятно выговорил:

– Спи!

Басанк вздрогнул, замер на мгновение. Женщина с неприятным выражением лица и розовощекий толстяк послушно закрыли глаза и опустили на пол, хотя приказ Ивора их не касался. Осоловел и «Мефистофель», присев на корточки возле саркофага «детектора лжи». Но Басанк не уснул! Он с мрачной улыбкой погрозил Ивору пальцем и произнес:

– Не шали, малыш. Я хоть и не витс, но хорошо защищен и не боюсь направленного внушения. А комиссар тебя, похоже, недооценил. Жаль, что я не имею права тебя убить, – приказ комиссара, – но вот покалечить могу и сделаю это с удовольствием.

Он неожиданно нанес удар в живот лежащему Ивору тяжелым как молот кулаком. Однако Ивор напрягся, уходя в *пустоту* (интуитивно, не размышляя), определенным образом *развернул* вектор энергии удара, и... кулак Басанка упруго отскочил от живота Жданова, как от резиновой подушки.

– Не может быть! – оторопел подручный Полуянова, посмотрев на свой кулак. – Ты же не мастер боя! Или я чего-то не понимаю?

Он нанес еще два удара один за другим – в грудь Ивора и в голову, и тот не смог отразить последний, настолько удар был силен и неожиданен. В голове вспыхнуло радужное пламя, разрывая ее на куски, и Жданов снова погрузился в багровую тьму, полную невидимых колючек и твердых предметов. Однако плавал он в этой шелестящей тьме недолго.

Кто-то схватил его за шиворот и вытащил из трясины на мягкий, уютный, ласковый и тихий берег. Во всех осколках головы зазвучал знакомый мягкий бархатисто-раскатистый голос:

– Ау, Жданов, далеко собрался?

– На дно... – вяло буркнул Ивор, чувствуя блаженство от уходящей, отступающей боли.

– Мы так не договаривались. Пора тебе самому лечить себя, сознательно, а лучше – не допускать таких ошибок. Спротивляться нужно в хорошо подготовленный момент, ты же только провоцируешь своих врагов на нападение и усугубляешь положение.

– Я не знал, что этот квадратноголовой шкаф не поддается воздействию.

– У него, скорее всего, имеется генератор пси-защиты. Хотя и его можно обойти умеючи.

– Я не умею.

– Научись. Выползай из своей уютной раковины, но не торопись показывать свои возможности. Мостик, соединивший твои подсознание и сознание, еще хрупок, еще один такой удар по голове – и ты идиот.

– Постараюсь...

– Тогда вперед, квестор. Три, два, один... ноль!

Ивор очнулся и сразу «обнял» весь объем помещения сферой своих сверхчувственных восприятий. И едва не потерял сознание снова – от боли в голове, в груди и животе, а также от нахлынувшей слабости.

Особенно сильно пульсировал болью висок (хорошо, что хоть череп цел!), затем челюсть (вот паразит поганый, он же чуть ее не сломал!), губы, ключица и ребро. Судя по всему, Басанк продолжал избивание пленника после того, как тот потерял сознание. Времени же с момента начала избивания прошло всего ничего – буквально две минуты. Спасибо резерву, вовремя он заработал, без него был бы полный капут!

В помещении лаборатории почти ничего не изменилось. Лишь «Мефистофель» начал приходить в себя да Басанк отошел от «правдососа», озабоченно разглядывая свою покрывшуюся волдырями, как от сильного ожога, руку.

И в этот момент дверь в лабораторию выгнулась пузырем и лопнула с громким треском. В помещение тигрицей ворвалась Мириам с «универсалом» в руке, за ней знакомый Ивору по инциденту на Венере Тео аль-Валид, сотрудник особого отдела контрразведки. Он навел на гиганта пистолет с ребристым дулом – суггестор «слон» и нажал на курок.

Но Басанк не впал в транс, как следовало ожидать («Защита!» – мелькнуло в голове Ивора), а выхватил в ответ свой штатный «универсал», рукоять которого торчала из подмышки, и выстрелил в Тео. Вернее, хотел выстрелить.

Напрягаясь так, что вены на лбу вздулись и едва не лопнули, Ивор крикнул *внутрь* Басанка, внезапно осознавая, как обойти его пси-защиту: «Мимо!»

Ствол «универсала» в руке помощника Полуянова сместился на сантиметр, и лишь после этого последовал выстрел, проделавший в стене помещения крупную звездообразную дыру. Затем выстрелила Мириам, среагировавшая на угрозу, и выбила «универсал» из руки Басанка. Гигант замер, но тут же схватился за рукоять кинжала, укрепленного на поясе, и снова застыл, теперь уже от ненавидящего голоса Ивора:

– Стоять!

Все оцепенели. Приказ был подкреплён надпороговой пси-командой, противиться которой не смог даже обладавший защитой Басанк.

– Освободи меня, – расслабился Ивор, виновато глянув на Мириам. Силы почти оставили его.

Девушка встrepенулась, послушно подбежала к нему, отщелкнула браслеты на ногах, помогла вылезти из саркофага «правдососа». И в этот миг в комнату вошел человек в необычного покроя одежде: мятая на вид полурубашка-полукуртка, переходящая в пузырчатые шаровары, нечто вроде бахромчатой португепи со множеством висящих сосулук, громадные ботинки с шипами. Он был высок – даже выше двухметрового Басанка, – узкоплеч, с лицом землистого цвета, не вызывающим, впрочем, ощущения болезненности, с очень широким ртом и умными оранжевыми глазами. Оглядев компанию, гость остановил взгляд на Жданове и сказал приятным низким голосом:

– Я вас слушаю, оператор.

– Что? – не понял Ивор, переглядываясь с Мириам.

– Вы меня позвали – я пришел.

– Но я... никого не звал!

Незнакомец раздвинул губы в странной усмешке.

– Разве не вы только что крикнули: «Мимо!»

– Но... я же... я просто заставил его промахнуться! – Ивор указал на неподвижного Басанка. – И вообще это был мысленный крик!

– Извините, – пожал плечами незнакомец. – Я ошибся.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Стойте! – опомнилась Мириам, делая шаг к странному гостю. – Вы услышали психовых Жданова?

– Ну, конечно.

– И вас зовут... Мимо?!

– Так точно, леди.

Мириам оглянулась на Ивора. Глаза ее стали большими и сияющими.

– Вспомни рассказы отца! Это бровей Мимо, бродяга по Ветвям! – Она снова повернулась к гостю. – Где вы были в момент вызова? В нашей Ветви?

– Разумеется, иначе я бы не услышал его.

– У меня... у нас просьба...

– Я весь внимание.

– Мы попали в трудное положение... почти безвыходное... не могли бы вы нам помочь?

– Каким образом?

– Можете вызвать сюда, в эту точку, где мы находимся, трансгресс?

– Нет ничего легче.

– Спасибо! – Мириам подбежала к Ивору. – У нас появился шанс обойтись без помощи комиссара. Я знаю, где можно достать дриммер!

– Где? – непонимающе спросил слегка обалдевший молодой человек.

– На Геземе! В мире моих и твоих дедов, в мире, где родились наши матери! Идем туда!

– Сейчас?!

– А когда еще? Вспомни – время не ждет! Твой отец в беде!

Ивор посмотрел на Басанку, на Тео, на терпеливо ждущего бровей Мимо и вдруг понял, что все это ему не снится, все происходит наяву! Но признаться, что ему страшно, он не смог.

– Идем!

– Прощай, Тео! – Девушка бросилась к безопаснику, обняла его на мгновение. – Спасибо тебе за все! Уходи отсюда, когда мы исчезнем. Передай отцу, чтобы не волновался за меня. Я вернусь. Мы вернемся! – Она взяла Ивора за руку и посмотрела на бродягу по мирам Ветвей. – Вызывайте трансгресс!

Тотчас же помещение лаборатории бесшумно проткнула ажурная двухметровая труба серебристого цвета.

– Прощайте! – вскинула кулак над собой Мириам, прежде чем нырнуть в трубу трансгресса.

Молодые люди подпрыгнули и оказались внутри трубы.

– Как он тебя!.. – прошептала Мириам, проведя пальчиком по разбитым губам. – Но ничего, вылечимся. Ты готов? – Она прижалась к Ивору.

– Готов! – кивнул он, помедлив.

– Тогда поехали!

– Вы находитесь в узле выхода Солювелл-три, – раздался в ушах обоих мягкий женский голос. – Вербальный код перегиба – бам-у-эс-тридцать-тридцать. Ближайший узел выхода – Балор-девять...

– Нам нужен выход в Ветвь, где есть планета Гезем, – быстро перебила Мириам оператора трансгресса.

Короткая пауза.

– Прошу вас сделать заказ поточнее.

– Я знаю, где это, – возник рядом с обнявшейся парой внутри трубы бродяга по Ветвям. – Даю координаты. – Он замолчал, переходя, очевидно, на «личный» мыслязык.

– Заказ принят. – Женский голос стал деловитым. – Перегиб длится три минуты по независимому времени. Приятного перемещения.

В следующее мгновение в головы Ивора и Мириам хлынул призрачный «лунный» свет, и сами они превратились в свет...

Когда в помещение ворвался Федор Полуянов в сопровождении трех человек охраны, в нем находились только медленно приходящие в себя сотрудники лаборатории и равнодушно разглядывающий стену Басанк. Куда девался пациент доктора Левинзона, специалиста по «высасыванию правды», никто из них так и не вспомнил.

Часть II

Как Богом речено

Глава 1

Возвращаясь из магазина вдоль линейки машин во дворе собственного дома, Руслан снова заметил сидящих на бетонной приступочке у спуска в подвал двух пацанов весьма специфичного вида и направился к ним. Неделю назад в его новой машине «Мазда» последней модели выбили боковое стекло, чтобы извлечь автокомпьютер, и хотя взломщикам сделать это не удалось, стекло пришлось вставлять, платить немалые деньги и нервничать. Теперь Руслан в каждом парне видел автовора и в своем родном дворе устроил настоящую охоту за молодыми людьми, слонявшимися без дела.

Стекло в машине выбивали такие же пацаны, что и эти двое, мирно попивающие минералку (очень интересный факт: именно минералку, а не пиво или джин-тоник, что выглядело бы естественней). Руслан в тот момент был дома – жил он на третьем этаже шестнадцатиэтажки – и после гулкового удара и срабатывания сигнализации успел выглянуть в окно и увидеть спины убегающих парней.

Эти двое, сидящие за торцом дома на бетонном бордюрике, охватывающем лестницу в подвал, были одеты в точно такие же спортивные костюмы и белые кроссовки.

– Ваши документы, – почти вежливо попросил Руслан, останавливаясь возле парней с пакетом покупок в руке.

Молодые люди – одному можно было дать лет семнадцать, другому не более девятнадцати – подняли головы и непонимающе уставились на Руслана.

– Какие документы? – ломающимся баском спросил семнадцатилетний, белобрысый, с пушком на губах.

– Ваши, – терпеливо повторил Руслан, протягивая руку. – И побыстрее, пожалуйста.

– А ты кто такой, дядя? – прищурился второй, смуглолицый и черноволосый, явно выходец с Кавказа.

– Я местный участковый. Документы!

– Не свисти, – растянул рот в нехорошей улыбке смуглолицый, – мы участкового знаем. – Он встал и оказался почти такого же роста, что и Руслан. – Вали отсюда, дядя! Мы тебя не трогаем, и ты нас не трожь.

Руслан достал из-за ремня сотовик, нажал несколько кнопок, поднес к уху:

– Вася, ты на дежурстве? Быстро группу на Лодочную! Да, ко мне домой. Я тут задержал двух подозрительных парней. Думаю, это они у меня стекло выбили в машине неделю назад...

Молодые люди переглянулись и вдруг рванули прочь, не разбирая дороги, сломя голову, через кусты и штaketник, к берегу водохранилища, затем свернули к проходу между домами, ведущему на мост через канал.

– Увижу еще раз – покалечу! – крикнул им вслед Руслан, довольный произведенным эффектом; никакому дежурному он, естественно, не звонил, хотя мог бы, так как работал в оперативном Управлении по борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности.

Руслану Кострову исполнилось недавно двадцать девять лет. Отслужив в армии в десантных войсках два года, он закончил юрфак МГУ, с малых лет занимался рукопашным боем, много читал, увлекся эзотерикой и даже женился – в двадцать два года, но прожил с молодой красивой женой всего семь месяцев, после чего она ушла от него к бывшему командиру полковнику Щербатову, который увез ее потом в Киргизию. На этом семейная жизнь Руслана

закончилась, и вспоминал он о ней редко, лишь в минуты меланхолии, дав зарок жениться только по расчету, а не по любви. С тех пор он жил один, изредка позволяя себе короткие, ни к чему не обязывающие знакомства и расставания без сожалений. Второй такой красивой женщины, как Саша, он пока не встретил.

В дом номер пять по улице Лодочной в Тушине, стоявший на берегу Химкинского водохранилища, он переехал недавно, всего около года назад, когда внезапно умер от сердечного приступа дед Руслана, Петр Мстиславович, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией Тушинского института микротехнологий, и квартира досталась Кострову в наследство. С дедом он особенно дружен не был, заезжал изредка, раз в два-три месяца, да встречался с ним иногда на его же даче в Переделкине. Деда Петю мало кто любил из-за увлеченности того работой, которой он отдавал практически все время, почти не уделяя внимания семье, хотя, в сущности, был человеком незлобивым и рассеянным. Всем хотелось, в том числе сыну Петра Мстиславовича Ивану, чтобы известный ученый-физик хотя бы в выходные дни переставал быть исследовательской машиной и возвращался в семью чаще, чем два раза в год – в день рождения и на Восьмое марта.

Вырос Руслан в Крылатском, прожив вместе с отцом и мамой Таей двадцать пять с лишним лет (если не считать годы службы в армии) в двухкомнатной квартире. Зато после смерти деда в доме отца внезапно появился судебный исполнитель и зачитал завещание Кострова-старшего о передаче трехкомнатной квартиры в Тушине в собственность внуку. Так Руслан стал обладателем квартиры и вскоре переехал на новое место жительства, разобрал хлам, которым было забито дедово жилище, починил старую, но добротную, времен третьей чеченской войны мебель, переставил все по-своему и впервые в жизни почувствовал себя человеком, независимым от социальных условий. Правда, квартира его часто пустела из-за длительных командировок хозяина в разные регионы страны, однако когда Руслан возвращался, это становилось чуть ли не праздником, и в доме всегда собирались гости – либо приятели и друзья, либо отец с мамой и близкие (и не очень) родственники.

Если отец при этом бывал в романтическом настроении, он вспоминал времена своего героического похода в Башню и не менее знаменитого возвращения, каждый раз раскрывая такие удивительные подробности из мира Древа Времен, что слушатели потом долго качали головами, не зная, верить этим откровениям или нет. Но Руслан верил. Он знал отца слишком хорошо, чтобы не сомневаться в его правдивости, да и мама, прошедшая вместе с отцом огни и воды, всегда подтверждала его рассказы.

С тех странных и страшных времен прошло уже более тридцати лет. Отец после возвращения домой из миров Древа Времен некоторое время работал с Игорем Васильевичем Ивашурой в бригаде исследователей Башни, оказавшейся узлом выхода хронобура на Земле. Как убедительно доказал Ивашура (его данные подтвердили все, кто вышел вместе с ним, – Иван Костров, Таисия Былинкина и Вероника Крылова), Вселенная, давшая жизнь и разум человеку, оказалась лишь одной из бесчисленных Ветвей Древа Времен, каждый миг (квант времени) рождавшего новые Ветви. И вот в одной из таких «отпочковавшихся» Ветвей со своим ходом времени ученые реализовали проект «бурения» времени, создав гигантское сооружение – хроноквантовый ускоритель, он же – хронобур, или Ствол. В мире, где родились Ивашура и Костров, это сооружение после его выхода назвали Башней.

После того как растущая Башня принесла много бед и несчастий на многострадальную землю Брянщины, в недрах военных кабинетов созрела идея нанести по ней ядерный удар. Однако благодаря Ивашуре и его друзьям это удалось предотвратить. А спустя некоторое время после ухода группы Ивашуры в Башню она взорвалась изнутри, превратившись в своеобразный гигантский «бутон лотоса». Такой она оставалась долгое время после возвращения группы, и лишь спустя двадцать пять лет начала подавать признаки жизни.

Некоторые участки «лепестков лотоса» стали искриться, светиться, обновляться, изменять форму и цвет, а затем в один момент все «лепестки» вдруг срослись, и Башня трансформировалась в огромную коническую скалу фиолетово-багрового цвета с серебристым налетом, с редкими входами-пещерами, постепенно затягивающимися сизо-фиолетовыми пробками. Спустя тридцать лет после взрыва Башня, окруженная пятиметровой стеной с колючей проволокой поверху, стала недоступной для исследователей.

Отец Руслана к тому времени уже не был связан с Башней. Отработав десять лет заведующим лабораторией Центра по изучению быстропеременных явлений природы, он ушел оттуда на преподавательскую деятельность в МГУ, где и работал по сей день на кафедре реконструкции всемирной истории. Изредка его вызывали для консультаций в Брянскую губернию к руководству Криптозоны, как стали называть Башню и все окружающее ее хозяйство, и тогда он выезжал из Москвы на несколько дней, возвращаясь задумчиво-рассеянным или вовсе хмурым. Отвечая жене на вопрос, отчего у него плохое настроение, поседевший и полысевший Иван Петрович говорил с легкой улыбкой:

– Да заела тоска по иным временам и пространствам.

Иногда он брал с собой в командировки сына, и Руслан хорошо изучил Криптозону и саму Башню, восхищаясь ее размерами и удивляясь продолжавшимся внутри нее процессам. Но по стопам отца он не пошел, не стал ученым или инженером, вдруг увлекшись проблемами безопасности страны и борьбой с терроризмом. Впрочем, не вдруг. В две тысячи восемнадцатом году от взрыва бомбы у памятника Пушкину, в самом центре Москвы, унесшего жизни тринадцати человек, погиб друг Руслана рижанин Валдис, и, когда следствие так и не выявило преступников, Руслан поклялся найти их сам.

Увы, не нашел, хотя и стал работать в Управлении по борьбе с терроризмом Федеральной службы безопасности.

Двадцать второго августа в известном московском ресторане «Богема» сработало очередное взрывное устройство, эквивалентное двумстам граммам тротила, и группу Руслана «Антей» бросили на расследование инцидента, хотя уверенности, что это теракт, не было. Подобным образом происходили и разборки между криминальными структурами, не договорившимися между собой.

Взрыв произошел в кабинете хозяина ресторана в тот момент, когда он разговаривал с приятелем и охранником. Хозяин – Марат Усулганов, бывший претендент на президентское кресло (он участвовал в выборах дважды), – и охранник погибли на месте, а посетитель – известный актер театра и кино Прянишников чудом остался жив. Он и показал, что взорвался телевизор хозяина, метровый «Шарп», используемый Усулгановым в качестве дисплея новейшего компьютера «Интель-Марк-3», созданного на основе нанотехнологий. Однако эксперты группы вместе с коллегами центральной криминалистической лаборатории МВД не нашли ни одного следа взрывчатого вещества. Впечатление складывалось такое, будто взорвалась одна из комплект телевизора – компьютерная плата с высокой плотностью упаковки микросхем.

Во вторник после обеда Руслан встретился с руководителем экспертной бригады, доктором физхимии, полковником Полторацким в его кабинете в здании технического центра ФСБ на Лужковской набережной, и тот поделился с капитаном своими соображениями:

– Взрывы подобного рода стали нередкими в наше время и относятся к так называемым реакциям спонтанного фазового перехода в кристаллах с нарушенной симметрией. Хотя кое-кто из моих коллег пытается доказать, что виновата в этом нарушенная симметрия вакуума, из-за чего увеличилась амплитуда квантовых осцилляций. В компьютерных чипах с высокой плотностью примесей создается локальная нестабильность. Стоит «толкнуть» атомы определенным образом, как происходит цепная реакция сброса напряжений, причем на уровне холодных термоядерных реакций. А это есть взрыв. Но что, какой процесс является причиной таких самопроизвольных лавинообразных реакций, мы пока не знаем. Это, должно быть, весьма экзо-

тический тонкий процесс, на уровне кварковых превращений. И лично у меня складывается вполне определенное мнение...

– Секретное? Мне его знать не положено?

– Почему? Я из своих исследований секрета не делаю. Я считаю, что за подобные нелинейные процессы должны быть ответственны изменения некоторых фундаментальных констант.

– Что вы имеете в виду?

Полторацкий, крупногабаритный, лысый, с окладистой седой бородой, снял очки и блинзурку посмотрел на собеседника.

– Законы нашей физики базируются на так называемых базовых принципах или физических константах...

– Да, я помню школьную программу: принцип Паули, инвариантность, постоянная Планка, заряд электрона... гравитационная постоянная. Так?

Полторацкий надел очки, улыбнулся.

– В ваших познаниях я не сомневался. Так вот причиной спонтанных взрывных фазовых превращений может быть, во-первых, изменение массы электрона – где-то на десятые доли процента, во-вторых, увеличение амплитуды вакуумных осцилляций, о чем я уже говорил. Но предупреждаю – это мое частное мнение, и вашей работе оно вряд ли поспособствует. Во всяком случае, ваше начальство вряд ли отменит поиск террористов или конкурентов директора ресторана.

Так оно и оказалось.

Выслушав Руслана, полковник Варавва, его непосредственный начальник, предложил ему поменьше фантазировать и верить ученым бредням, а побольше заниматься своим непосредственным делом.

В пятницу капитан составил план первоочередных мероприятий по делу «теракта» в ресторане, озадачил группу, распределив обязанности каждого, и отправился на место происшествия.

Ресторан уже работал по полной программе, несмотря на гибель хозяина, а его место занял новый директор – бывший администратор Гольдич, суетливый человечек с рыхлым лицом и бегающими глазками. Ничего нового он, естественно, Руслану не сообщил, зато освободил место представителю официальной власти за столиком в хрустальном зале, за чешуйчатой стеклянной колонной, подсвеченной снизу и изображавшей пальму.

Здесь уже сидел мужчина средних лет с бледным землистым лицом, одетый в необычного покроя костюм – не то комбинезон, не то балахон строительного рабочего зеленовато-коричневого цвета. Посмотрев на Руслана вскользь ничего не выражающими яркими, буквально оранжевыми глазами и не ответив на приветствие, он отвернулся. Руслан проследил за его взглядом и увидел за столиком у стены пару: молодой человек боксерского вида с неприятным лицом типичного рэкетира беседовал с девушкой, очень красивой, с точеным смуглым лицом.

Она слушала его со сдвинутыми бровями и пылающими щеками, катая по столу шарик салфетки. Ее короткое фиолетовое платье приподнялось и открыло красивые стройные ноги, но девушка ничего не замечала, видимо, занятая ссорой или не слишком приятным разговором, и все время порывалась уйти, но собеседник хватал ее за руку, усаживал и продолжал что-то втолковывать.

Посидев минут сорок, но так и не дождавшись развязки этой беседы, Руслан иронически поблагодарил молчаливого соседа за компанию и поднялся на второй этаж здания, где находился кабинет владельца ресторана. Показав охраннику удостоверение, еще раз зашел в опечатанный кабинет, где произошел взрыв, задумчиво постоял у развороченного стола. Вспомнились слова полковника Полторацкого: «это реакция спонтанного фазового перехода... изменилась масса электрона... увеличилась амплитуда вакуумных осцилляций...» Что-то сто-

яло за этими узкоспецифичными терминами, отзвук некоего *знания*, тревожащего память. Нечто подобное Руслан уже слышал в беседах отца с друзьями, когда они вспоминали свои приключения. Уж не связан ли странный «теракт» с выходом в земную реальность *нового* Игрока? Ведь не зря же Полторацкий упомянул об учащении взрывов с фазовыми переходами: за последние несколько лет, по статистике Управления, только в России произошло восемь взрывов – рвались в основном дисплеи компьютеров и новейшие плазменные телевизоры. Интересно, сколько таких инцидентов произошло за рубежом?

Обойдя кабинет кругом, Руслан пообещал сам себе выяснить ситуацию в мире и решил посоветоваться с отцом. Тот мог знать и другие любопытные факты, говорящие в пользу последнего предположения Руслана о целенаправленном «просачивании» в земную реальность чужих физических законов, означающих вмешательство воли Игрока.

Проходя через зал, капитан отметил отсутствие красивой незнакомки и ее крутого партнера, уловил необычно сосредоточенный и заинтересованный взгляд мужчины в балахоне, потягивающего томатный сок, но не обратил на него особого внимания. В нынешнее время можно было встретить человека в еще более странной одежде, либо сильно пьющего, либо не пьющего вовсе. Мало ли кому придет в голову выпендриться и натянуть на тело то, что раньше считалось рабочей одеждой или вообще не годилось в качестве таковой! Садясь в машину, Руслан вдруг заметил брюнетку из ресторана в фиолетовом платье и задержался.

Очевидно, это был уже финал ссоры, начавшейся в зале ресторана. Девушка сбросила с плеча руку настырного молодого человека с манерами и внешностью рэкетира, быстро пошла со стоянки на улицу, но тот догнал ее, схватил за руку, дернул к себе. Девушка снова вырвала руку, но парень вцепился в нее, заломил ей руку за спину так, что она вскрикнула, потащил к белому «Мерседесу», в кабине которого сидели еще двое молодых людей. Дверца открылась, парень стал заталкивать девушку в кабину, вlepил ей пощечину. Она снова вскрикнула, отталкиваясь ногой от машины, и сердце Руслана не выдержало.

Подойдя к молодому «боксеру» сзади, он тронул его за шею особым образом, и у того сразу онемела рука, выкручивающая локоть подруги. Девушка вырвалась, посмотрела на Руслана полными слез глазами, пошла прочь, но ее перехватил вылезший из «мерса» мощного телосложения парень с короткой стрижкой, вернее, почти наголо обритый, с небольшим чубчиком над узким и невысоким лбом. Молодой человек, заталкивающий девушку в машину, оглянулся. Глаза у него были почти бесцветные, бешеные, с расширяющимися и сужающимися зрачками. Такие глаза обычно бывают у наркоманов, принявших дозу.

– Тебе чего, козел?!

Руслан глянул на девушку.

– Простите, что вмешиваюсь, но ваши знакомые, по-моему, немного перебрали. Если хотите, я отвезу вас домой.

Незнакомка, закусив пунцовую губу, судорожно кивнула. С румянцем на щеках, с большими миндалевидными серыми глазами, в которых стояли слезы, она была так необычайно хороша, что у Руслана екнуло сердце и он позавидовал тем, кто был с ней в приятельских отношениях.

– Ты чего, козел?! Не понял?! – опомнился «рэкетир», сунул левую руку под полу пиджака, собираясь, очевидно, вытащить оружие, и Руслан ткнул его указательным пальцем в кадык, не желая начинать «показательные выступления» по рукопашному бою. Затем, продолжая движение, ударил ногой по дверце «Мерседеса», отбрасывая назад начавшего вылезать водителя. Покачал пальцем перед глазами изумленного спортсмена с чубчиком.

– Не стоит продолжать в том же духе, парень, я сегодня не в настроении. Отпусти ее.

– Да я тебя!.. – кинулся на него атлет, вытягивая вперед кулаки-кувалды.

Руслан качнулся вправо, нанес ему мгновенный, незаметный со стороны укол сгибом указательного пальца в ямку за ухом – так называемый «серьгунок», и поддержал брюнетку под локоть.

– Пойдемте, вон моя машина стоит.

Девушка расширенными глазами посмотрела на своих приятелей, один из которых сполз на асфальт, держась за ухо, а второй уже сидел у машины спиной к колесу, перевела взгляд на капитана и, вырвав локоть, торопливо пошла прочь.

Вся эта сцена произошла так быстро, что почти никто из проходивших мимо стоянки людей не обратил на нее внимания.

Руслан пожал плечами, уже ругая себя, что ввязался в историю, его не касающуюся, грустно поплелся к своей «Мазде», поглядывая на исчезающую за углом стройную фигурку, оглянулся, услышав щелчок дверцы: это вылез водитель «мерса», получивший удар дверцей в лоб, такой же накачанный, как и его приятели, с массивной стальной цепью на шее.

– Эй, братан! – прошипел он, держа руку под мышкой, где у него, судя по всему, находилась кобура с пистолетом. – Ты на кого наехал, знаешь?! Мы же тебя грязью сделаем, в бетон замешаем, язык вырвем, на всю оставшуюся жизнь немым будешь!..

Я умею молчать на семи языках, вспомнил Костров чей-то афоризм и незаметно из-под руки метнул в парня расческу. Пока тот отбивал мощной ладонью и доставал оружие, в прыжке ударил его ногой в грудь. Водитель перелетел через капот «Мерседеса», роняя пистолет, и исчез в траве под решеткой заборчика.

Кто-то несколько раз хлопнул в ладоши.

Руслан оглянулся.

На него смотрел тот самый мужчина в странном «строительном» балахоне, сосед по столу в ресторане. Несколько мгновений они оценивающе разглядывали друг друга, потом губы незнакомца искривила усмешка.

– Замечательная подготовка, господин капитан. Вы ни в чем не уступаете своему отцу. Помните, он тоже был мастером боя.

Голос у мужчины с землистым лицом и яркими янтарными глазами был гортанный, говорил он по-русски чисто, но с каким-то необычным тонким акцентом.

– Кто вы? – мрачно поинтересовался Руслан. – И откуда знаете меня и моего отца?

– Меня зовут Мимо. – Еще одна кривая усмешка. – Ваш отец вспомнит меня. Прощайте, капитан. Надеюсь, мы еще встретимся. Догоняйте ту красотку, иначе потом пожалеете.

Незнакомец по имени Мимо (странное имя... или фамилия?) отступил и исчез. Будто растворился в воздухе. Ошеломленный Руслан повертел головой, пытаясь определить, куда он делся, потом махнул рукой и поспешил к машине.

Девушку в фиолетовом платье, которую Руслан освободил из рук невежливой парней, он увидел стоящей у перекрестка и голосующей. Подъехал, открыл дверцу, сказал с извиняющейся улыбкой:

– Боюсь показаться назойливым, но вам все-таки лучше было бы сесть в мою машину. Ваши знакомые сейчас очухаются и ринутся за вами. Садитесь и ничего не бойтесь, я не из их компании.

Девушка поглядела на поток машин, нахмурилась, о чем-то размышляя, потом тряхнула головой и села в кабину рядом с Костровым.

– Улица Лодочная, дом семь, если можно. Знаете, где это? Район Тушино.

Руслан невольно присвистнул, трогая машину с места.

– В чем дело? – повернула она к нему красивую точеную головку с короткой, но очень оригинальной стрижкой.

– Мы с вами соседи, я тоже обитаю на Лодочной, в доме номер пять.

Девушка пожала плечами, забила в уголок сиденья и притихла, глядя перед собой остановившимися глазами. Она все еще переживала свой конфликт с «боксером» и его приятелями, показавшими себя во всей красе «крутого» воспитания.

– Как вас зовут? – поинтересовался Руслан.

– Надежда, – безучастно ответила она.

– Надя, значит. А меня Руслан.

– Меня зовут Надежда, – тихо, но твердо заявила девушка.

Желание разговаривать с ней, как-то утешить прошло. Но все же он не мог не предложить ей помощь, чтобы не показаться невежливым.

– Чего они от вас хотели? Я заметил вас еще в ресторане. Вы сидели неподалеку, у стеклянной пальмы.

– Это личное, – тем же тоном отозвалась Надежда.

– Может быть, я могу вам помочь? Я мог бы проводить вас до дому...

– Спасибо, я сама. – Девушка очнулась, огляделась, в глазах ее зажглись иронические огоньки. – Вы чрезвычайно любезны. Высадите меня у аптеки, пожалуйста.

– Но мы не доехали.

– Я выйду.

Руслан остановил машину за светофором, девушка открыла дверцу и выскользнула из кабины.

– Может быть, дадите свой телефон? – неуверенно спросил он.

– Это ни к чему.

– Тогда запомните мой на всякий случай. – Он назвал номер: три девятки, три шестерки и семерка. – Вдруг пригодится.

Надежда молча захлопнула дверцу, двинулась по тротуару в обратную сторону, но потом вдруг вернулась и быстро выговорила:

– Извините, что я так себя веду, вы ни в чем не виноваты. Обещаю: если понадобится ваша помощь, я позвоню.

Повернувшись, она быстро перешла на другую сторону улицы. Руслан, обрадованный таким поворотом событий, проводил ее взглядом и поехал домой. Затем внезапно вспомнил встречу со странным человеком по имени Мимо и решил немедленно встретиться с отцом. Сидеть весь вечер дома одному не улыбалось никак.

Глава 2

Отец и мама были дома: пили чай на просторной кухне в компании с незнакомым мужчиной с сединой в волосах и с умными цепкими серыми глазами. Одет он был, несмотря на лето, в блестящую серую водолазку и такие же брюки с серебристым отливом.

– Ты вовремя, – сказал Иван Петрович, обнимая сына. – Мама торт испекла, твой любимый – медовый. Познакомься – это Игнат Ромашин. Игнат... э-э...

– Филиппович, – подсказал гость, вставая из-за стола и протягивая Руслану крепкую руку.

Руслан задержал на нем взгляд, вспоминая фамилию гостя: где-то он ее уже слышал, – и отвел отца в прихожую.

– Папа, есть разговор.

– Срочный и секретный?

– Не очень срочный, но при твоём госте говорить неудобно. Я сегодня был в ресторане...

– Поздравляю.

– И встретил там интересного человека, – не отреагировал на тон отца Руслан. – Он откомендовался, что знает тебя, и передал привет.

– Представился?

– Он назвал себя Мимо.

– Как-как? – Иван Петрович изумленно поднял брови. – Повтори.

– Мимо.

Костров-старший несколько мгновений смотрел на сына как на вестника потрясений и перемен, затем быстро вернулся на кухню. Там заговорили, мама тихо вскрикнула, затем послышался голос отца:

– Руслан, зайди.

Сбитый с толку капитан повинился. Его встретили три заинтересованных и взволнованных – каждый по-своему – взгляда.

– Как выглядел этот господин Мимо? – спросил Ромашин.

Руслан коротко и точно описал внешность и костюм незнакомца.

– Это он, – тихо сказала Тая, с каким-то страхом переглядываясь с мужем. – Неужели нам снова... – Она передернула плечами, посмотрела на сына и замолчала.

– Что происходит? – нахмурился Руслан. – Вы сидите, как заговорщики, и говорите загадками.

– Мы и есть заговорщики, – мягко улыбнулся Ромашин.

– Ты не помнишь его? – кивнул на гостя отец.

– Вряд ли он меня запомнил, ему тогда шел четвертый год, когда я был у вас в последний раз.

Руслан покачал головой.

– К сожалению, действительно не помню, хотя фамилия знакома...

– Игнат – комиссар службы общественной безопасности Земли двадцать четвертого века, – сказал Иван Петрович. – Естественно, Земли из другой Ветви Времен. Я тебе рассказывал.

Руслан наконец вспомнил фамилию Ромашина и те обстоятельства, с какими она была связана, по-новому взглянул на гостя.

– Вы в самом деле тот самый Ромашин... из другой Ветви?!

– Можешь потрогать и убедиться, – засмеялся Игнат. – Садись, поговорим, коль уж на тебя вышел сам бродяга по Ветвям. Что ты знаешь о Стволе?

– О чем? Ах, да... извините, у нас ваш Ствол называют Башней, я не сразу вспомнил.

– Может быть, не стоит его вовлекать во все это? – робко проговорила Тая.

– Рано или поздно ему все равно пришлось бы принять участие в Игре, – покачал головой Ромашин. – Да и парень он крепкий, бывалый и неженатый к тому же.

Руслан промолчал, не желая рассказывать о своем недавнем знакомстве с красивой брюнеткой по имени Надежда.

– Я знаю о Башне со слов отца. В нашей прессе о ней материалов не встретишь, все засекречены. Насколько мне помнится, Башня представляет собой кусок хронобура, выпавший в наше время. Так?

– Кусок – это сказано сильно, – хмыкнул Костров-старший.

Руслан покраснел.

– Ну, не кусок – часть хронобура, вернее, копия...

– Хроноквантовая копия, – уточнил Ромашин. – Еще Ствол... э-э... Башню можно назвать трактрисой времен, пространственноподобной «сверхструной» или многомерным пространственно-временным многообразием, а также надвременным топологическим тоннелем с квантованным выходом, соединившим множество Метавселенных – Ветвей Дендроконтинуума, то есть потенциально равноценных копий Вселенной. При материальном вытаивании Ствол... м-м... Башня соединила около двух триллионов Ветвей. Я живу в одной из «соседних» Ветвей, отделенной от вашей примерно тремя десятками выходов Ствола. Кстати, ближайšie к вашей Ветви мертвы.

Костров-старший посмотрел на Ромашина озабоченно.

– Я этого не знал. Почему мертвы? Из-за вмешательства прежних Игроков?

– Уточняю: жизнь в этих Ветвях имеется, в том числе и разумная, но Земля мертва. Копия вашей Земли, разумеется.

– Ядерная война? – догадался Руслан.

– По разным причинам. Где-то прошла ядерная война, где-то бактериологическая, а кое-где сработали «мины замедленного действия» типа эпидемий, вырвавшихся из военных лабораторий, либо всплески генетических изменений вследствие применения трансгенных продуктов.

– У нас тоже все шире используются такие продукты, – произнесла Тая. – Неужели последствия так ужасны?

– Дело в том, что генная инженерия относится к так называемым «божественным промыслам», или интеллигибельным технологиям, применение которых имеет непредсказуемые последствия. Жизнь на нашей Земле устояла лишь потому, что мы еще две сотни лет назад отказались от экспериментов на генах. Но не будем о грустном, возможно, ваши правители в скором времени запретят опасные технологии, отражающиеся на потомстве.

– Пока же статистика такова, – хмуро сказал Иван Петрович, – что во всем мире болен *каждый второй* человек! И тенденция эта увеличивается. Может быть, это следствие новой Игры?

– Не исключено, – кивнул Ромашин. – Я посетил уже около сотни кванк-Земель, и везде картина весьма неприглядна. У вас в особенности, если проанализировать факты. То, что все страны планеты без исключения охватил терроризм, прямое доказательство агрессии Игрока.

– Вы сказали – кванк-Земель? – заинтересовался Руслан, взглядом благодаря мать, которая налила ему чаю и придвинула тарелку с бутербродами.

– Кванк – это сокращенное «квантовая копия». Каждый предмет, объект, существо, даже каждый атом Земли и всей вашей Метавселенной имеет квантовую копию. Я лично знаком с полусотней моих кванков и двумя кванками твоего отца. Правда, твоих кванков пока не встречал. Но иногда бывают исключения. К примеру, я знаю человека, не имеющего своего кванка.

– Ясена? – прищурился Костров-старший.

– Совершенно точно, Ясена Жданова. Она родилась на планете Гезем, расположенной в своеобразном хронокармане, который не имеет квантовых продолжений. Да и сын Ясены и Павла почему-то существует в одном экземпляре, хотя, возможно, я просто не попадал в Ветви, где есть его кванки. Ствол ведь не трансгресс, он соединил не все Ветви Древа Времен.

– Почему? – спросил Руслан.

– Потому что принцип Паули действовал и во время его запуска, разрешая выходы хронобура только в миры с определенной плотностью вакуума.

– Разве вакуум имеет плотность? Это же пустота...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.